

12+

Роман Кузьма

Инферно - вперёд!

Роман Кузьма

Инферно – вперёд!

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Кузьма Р.

Инферно – вперёд! / Р. Кузьма — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Сколь ужасным может быть вторжение сил Мрака, подчиняющихся только собственным жутким законам? Способна ли армия, вооружённая по последнему слову техники, одержать верх над вырвавшимся на свободу воинством Ада? Станет ли исход войны торжеством науки – или же победу будет праздновать чёрная магия? Детально описанные технологии, обилие персонажей, увлекательный сюжет с непредсказуемым финалом – всё это ожидает читателей романа «Инферно – вперёд!».

© Кузьма Р., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Пролог	5
_____	48
_____	49
_____	50
_____	51
_____	52
_____	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Роман Кузьма

Инферно – вперёд!

Пролог

«Эта история – о том, как наш мир стал постепенно погружаться во Мрак, подобный тому, что царил, если верить легендам, на заре времён. Всё началось так давно, что о первых днях Войны не только я, но и покойный отец мой – мы знали лишь понаслышке. Сделанные на мотках стальной проволоки и магнитной ленты звукозаписи, применявшиеся нашими предками, давно обратились в бесполезный хлам, и даже если бы и нашлась бережливая рука, которая сохранила бы их от разрушительного воздействия Времени, это было бы бесполезно, поскольку покрытые ржавчиной машины, проигрывавшие их, уже не функционируют. Изменились сами первоосновы нашего бытия, принципы существования материи, и то, что казалось незыблемой истиной во времена теоров, кажется нелепой выдумкой сегодня, в Эпоху Магов. Не всё из того, что поведали мне мудрейшие из старейшин, понятно, как зачастую не понятны мне и тексты в древних книгах, считанные экземпляры которых сохранились лишь чудом.

Многим эта повесть обязана Человеку-без-Имени, чей голос, будто он находится рядом, порой нащёптывает мне истории о былых временах. Уже одного только упоминания о том, что я не изгоняю его дух, как следовало бы, хватило бы для того, чтобы меня предали в руки властей. Властей! Это слово звучит сейчас как издёвка, ведь я говорю о тех, кто преклонил колени свои перед Могищественными и предался Ночи.

Однако я отвлёкся. Знание, пусть и оставшееся от теоров, должно сохраниться. Даже если алфавит вскорости будет забыт, как были забыты математические символы, и их окончательно сменят рунические знаки, одинаково пригодные и для передачи информации, и для колдовства, эта книга должна быть завершена.

Вполне вероятно, что потомки наши, отказавшись от человеческой судьбы, изберут жизнь магических существ, свободных от грехов предков, и прочесть мои записи окажется некому. В конце концов, каждый лист на дереве вянет, желтеет и опадает, а само дерево, сгнив на корню, валится наземь, чтобы уступить место новым формам жизни. Тем не менее, я, Ансгер, сын Колла, сына Дитнола, благородного, считаю, что должен исполнить свой долг перед господином Эзусом, вера в которого нынче под запретом Могищественных, и перед человечеством, – и перенести на пергамент всё, что мне известно о Годах Грома и Огня.

Поговаривают, будто борьба Златоликого Короля с Лордом Стеклянный Глаз, которая опустошает зелёный остров Эйре на западе, является последним актом этой затянувшейся пьесы. Я не верю подобным слухам: уж больно мало общего у этих воинственных феодалов с теми, о ком мне посчастливилось узнать. Им не подвластно Пламя, обладавшее способностью разрушать толстые каменные стены и оплавливать сталь, превращая в гигантские пепелища целые города. Их сила в большой мере зависит от искусства владения чёрной магией, а солдаты, даже те, что являются людьми, вооружены копьями, мечами и презрением к слабым и безоружным – эти озлобленные наёмники и не слышали о том, что ранее именовалось гражданскими правами. Наконец, единственного взгляда на нечеловеческий облик Златоликого Короля или, тем паче, на наиболее устрашающего его прислужника, Герцога Смерть, достаточно, чтобы осознать глубокую истину, содержащуюся в моих словах. Говорят, Лорд Стеклянный Глаз, с которым враждует наш властитель, ещё хуже, хотя мне трудно даже вообразить, кто может сравниться с Златоликим в таких качествах, как бесчеловечная жестокость и холодная, расчётливая ненависть ко всему живому...

Потому-то я и пишу не о тех, кто владеет нашим миром, а о тех, кому он некогда принадлежал – о тех, кто знал о свободе слова и вероисповедания и обладал правом волеизъявления. Знание моё, похожее на труху от истлевших бумажных книг, едва ли полно – но, собранное по крупицам, кажется мне немыслимой ценностью. Хоть надо мной и насмеются все вокруг, говоря, будто я трачу время на бессмыслицу, рука моя, сжимающая перо, не остановится, что бы ни случилось.

Действительно, многие из тех слов, что я использую, лишены смысла для магисов, да и грамоте сейчас обучен едва ли один-другой человек в селении. Даже в Хэксеме, крупнейшем городе на восточном побережье, хороших писцов можно сосчитать на пальцах одной руки. Кто бы мог поверить, что ещё дюжину дюжин лет назад Хэксем, несмотря на гораздо большую численность населения и куда более высокий уровень жизни, считался жалким провинциальным городишкой!

В связи с этим мне вспоминаются стихи непревзойдённого Невлина, поэта, что жил давным-давно. Знакомые мне по книгам, они поражают своей почти пророческой точностью. К величайшему нашему горю, им было суждено воплотиться в действительность:

Кости – труха, источен камень в пыль, а город занесло песком;

Остались лишь слова – как призраки былых эпох,

Они хранятся на рифмованных линейках строк;

Где ум найти бессмертный, что их сбережёт?

Действительно, здесь сокрыт вопрос, ответ на который найти мне не под силу. Одновременно, хотя это может показаться нескромным, я возьму себе за труд вписать в сию повесть несколько строк о себе, дабы у читателей, если таковые появятся, сложилось мнение об авторе. Я, Ансгер, родился в семье Колла, зажиточного фермера; как старший сын я унаследовал землю, принадлежавшую отцу, однако по ряду причин она пришла в упадок и запустение, как и наш род, который словно постигло неведомое проклятие. Два моих брата умерли в раннем детстве от болезней – или, как поговаривали, от порчи, – а сестра, вышедшая замуж за человека из другого селения, подобно жене моей, незабвенной Кэйли, скончалась несколько лет назад.

Родители, обучившие вашего покорного слугу грамоте, завещали ему также любовь к знаниям, воплотившуюся в данном труде. Доживая отпущенный судьбой век, я стал записывать всё, что мне известно о днях былых, а также о том, что произошло за годы моей собственной жизни.

Внешность мою можно назвать обыкновенной: я – почти полностью седой, среднего роста пожилой мужчина. Сложение моё, и в молодости отличавшееся сухощавостью, всё же свидетельствует о добром здоровье, коим, впрочем, отличается большинство людей, выросших в сельской местности, где свежий воздух и физический труд сами по себе способствуют развитию таких качеств, как сила и выносливость. У меня овальное, правильной формы лицо с относительно тонкими чертами; в молодости, пока его не покрыли морщины, оно, сообщу вам, казалось представительницам противоположного пола вполне привлекательным – так же, как и зелёно-карие глаза, ныне выцветшие, что превосходно гармонировали с тёмными, цвета орехового дерева, волосами, сейчас, как вы понимаете, подёрнутыми паутиной седины...

Я слышу голоса за дверью, и едва ли те, кто явились среди ночи, сделали это с добрыми намерениями. Их тяжёлые, грубые сапоги, позвякивание шпор и храп лошадей – всё говорит о том, что за мной пришли Ночные Посланцы Могуущественных. Как жаль, что я не смогу закончить эту книгу, дело всей жизни – меня обрывают в самом начале, доказав тем самым, насколько ценен подобный труд на самом деле. Мне придётся ограничиться тем, что я при-

совокуплю к написанному собственноручно вступлению списки, сделанные мной с записей на архаичном и, увы, мало кому понятном в наши дни кэлтарне¹. Они могут послужить...».

Часть

I

. Аномалия

Глава

I

Округа Дуннорэ-понт издревле считалась местностью, окутанной туманами столь же густо, как и загадками. Древние, поросшие мхом валуны, формирующие затейливые фигуры, встречались здесь едва ли не на каждой лесной поляне. Эти камни, испещрённые рисунками, чей смысл сокрыт от людей, не имевших, кстати, ничего общего с их появлением, служили живым напоминанием о былых временах. В те далёкие дни, когда по земле ходили племена, сами названия которых давно стёрлись из людской памяти, камни, как говаривали сведущие люди, служили могучими источниками волшебной силы.

Бедные земли графства покрыты тысячелетним, лишь местами чередующимся с лугами, лесом, существовавшим ещё до прихода людей. Лес этот, наполненный угрюмым молчанием, казалось, отпугивал крестьян, несмотря на то, что те всегда искали землю для расчистки под пашню. Возможно, не последнюю роль тут сыграли многочисленные трясины, испускавшие смертоносное зловоние – по слухам, в них утонул не один дровосек, – а возможно, причиной послужили рассказы о странных, пугающих песнопениях, порой раздающихся в здешних чащобах в полночные часы – они, говорят, способны запугать и самого отчаянного храбреца.

Одно известно наверняка: окрестности Дуннорэ-понт пользовались дурной славой и заселены были неплотно даже до огораживания. Когда же лендлорды стали присваивать общинные земли и сгонять крестьян с их наследственных участков, чтобы выпастать на них свой многочисленный скот, графство обезлюдело окончательно.

Последующее столетие, отметившееся бурным развитием паровых машин, мало что изменило в сонном, словно умирающем, быте немногочисленных обитателей этих забытых мест. Наступление изрыгающего огонь и пар неумолимого завоевателя, носившего имя Научный Прогресс, однако, достигло и этих, забытых Эзусом, мест.

Пришло время, и железные дороги опутали земли королевства с целью спаять их в единое, послушное воле правительства, целое; одна, подобная указующему персту, ветка протянулась и до Дуннорэ-понт, городка, который со времён рыцарства и баронских распрей так и не увеличился ни в размерах, ни в численности населяющих его жителей. В данном малоприятном обстоятельстве знатоки городских легенд обвиняли ведьму, сожжённую на костре ещё при Орнаге Великом. Она, как утверждают, и прокляла жителей городка и ближайших селений, лишив их мужской силы и способности к деторождению. Последними её словами стало злое пророчество, предрекавшее Дуннорэ-понт медленное и мучительное вымирание: последнему обитателю города, если верить ведьме, предстояло пасть от руки монарха, а его наследнику – скончаться от удара осиновым колом. Событие это, кричала горящая ведьма, состоится в день, когда даже Небеса станут плакать кровью, став свидетелем творящегося беззакония и святотатства, а Зло окончательно изгонят из этого мира.

¹ Кэлтарн – язык, возникший на основе раннего всекельтского, широко обогащённого глаголами, именами существительными и числительными из латыни и греческого. Различные варианты кэлтарна являлись государственными языками Айлестера, Нейстрии, Австразии, Ломбардии, Кастилии и ряда других держав, образовавшихся после распада империи Карла Великого – вплоть до возрождения фоморского языка. Последний айлестерскими учёными полагался родственным ранним формам всекельтского, однако достоверных и убедительных доказательств подобной связи им обнаружить не удалось. В конечном счёте, возобладало мнение, согласно которому фоморский изначально не имел ничего общего с индоевропейской языковой семьёй, в то время как употребление в его разговорной форме характерных для кэлтарна синтаксических конструкций и лексик объяснялось позднейшим слиянием с кэлтарном и возникновением в результате этого «пиджина», который и поспешили выдать за собственно фоморский.

С течением времени проклятие постепенно забылось, хотя достопамятная смерть ведьмы на костре, похоже, так и осталась наиболее примечательным событием в истории города. Долгие масслетия² Дуннорэ-понт словно пребывал в спячке, апатично наблюдая, как мимо проходит жизнь. Одна группа любителей поговорить на данную тему придерживалась той точки зрения, будто причиной низкой рождаемости являются идущие от местных болот и многочисленных торфяников гнилостные испарения; другие – большей частью приезжие и обитатели соседних графств – едва ли не с пеной у рта доказывали, что причиной всему – кровосмесительные связи, которыми опутан город – они-то и являются подлинной причиной вырождения дуннорэ-понтцев. Так или иначе, но первый паровоз, притащивший в город два полупустых вагона с рабочими и пожелавшим отпраздновать завершение строительства новой ветки руководством компании, встретило едва ли не такое же количество горожан.

Вопреки пустым надеждам на то, что железная дорога оживит здешний быт, произошло обратное: значительная часть молодёжи уехала из города, причём, как поговаривали злые языки, многие сделали это с тем самым первым поездом. Впоследствии, правда, когда в соседнем графстве обнаружили нефть, округа наполнилась старателями, надеявшимися разбогатеть. Большинство из них, окончательно разорившись в ходе бесплодных поисков, осталось здесь жить, благо в Дуннорэ-понт всегда рады новым людям. Именно благодаря этим, наполненным кипучей энергией неудачникам, численность населения вновь начала расти, превысив гросс³ человек – совсем как в те дни, когда горевшая на медленном огне ведьма изрекла слова, обрёкшие местных жителей на медленное вымирание.

Когда в ратуше – старинном двухэтажном строении с каменными, скреплёнными деревянным каркасом стенами – сверили свои книги с приходскими, работники канцелярии сразу же подметили две идентичных цифры – 1728. Число это, дуаз⁴, возведённый в третью степень, или гросс, не могло не вызвать суеверного страха. Переглянувшись, оба клерка, словно сговорившись, одновременно коснулись шеи, а потом лба скрещёнными пальцами обеих рук в жесте, призванном отпугивать духов.

Казалось, будущее сулило городу сплошные беды и страшные неприятности – и в последовавшие за этой сценой недели произошёл ряд событий, принудивших тех, кто знал о жутком совпадении, не раз и не два помолиться за благополучное завершение года. Ходили глухие слухи о море, постигшем скот местного богача Винна да Дуннорэ-понт, наследника лендлорда, выжившего отсюда большую часть населения, включая обедневшего графа.

Те, кто бывал в лесу, поговаривали о ночных плясках и песнях вокруг каменных алтарей в разрушенных святилищах, в которых участвовали нечеловеческие создания, но рассказы эти, изложенные завсегдатаями местных таверн за третьей кружкой эля, не вызывали доверия.

Наконец, над одной из заброшенных ферм, принадлежащей Винну да Дуннорэ-понт, но игнорируемой даже его скотом, разразилась страшная буря с градом, уничтожившим всю растительность. Вспышки молний, бросавшие непривычные красноватые отблески и отличавшиеся неестественной, подчас горизонтальной или спиральной траекторией, привлекли внимание редактора местной газеты.

Сей уважаемый джентльмен, единственный к тому же репортёр принадлежащего ему издания Дитнол Норс, даже посвятил описанию бури заметку – и отправил в одну из столичных газет, где также подвизался корреспондентом, телеграмму соответствующего содержания. Гонорар, неожиданно щедрый, заставил его насторожиться, однако, пожав плечами, Норс без-

² Масс – двенадцать дюжин, 144.

³ Гросс – двенадцать массов, или двенадцать раз по двенадцать дюжин, 1728.

⁴ Дуаз (кэлт.) – дюжина. Дуодецимальная система счисления подразумевает счёт дюжинами: при необходимости к полному числу прибавляется остаток, например, число 46 содержит три дюжины (3 по 12, или «терц-дуаз») и 10 («децим»). Правила обязуют произносить это число как «терц-дуаз-и-децим», хотя обычно для удобства пользуются сокращённой формой: «терцдуаздецим».

мятежно обналичил перевод и, насвистывая себе под нос популярную мелодию, уже собрался было в одну из трёх местных таверн. Там он обычно черпал львиную долю материала для следующего номера – и оставлял далеко не меньшую по размеру часть своего скромного заработка.

Остановимся на миг на его облике, так как сей газетчик – одно из главных действующих лиц нашего повествования. В то время Норс – относительно молодой человек, всё ещё холостой, шести футов ростом. Упругая походка и худощавая фигура свидетельствуют о том, что занятия спортом этому господину не чужды. В тот день он надел свой лучший – один из двух – гомеспуновый⁵ костюм, бежевые ботинки с белыми мысками и фетровый котелок серого, в тон с беспокойно рыскающими глазами, цвета. Волосы указанного господина, равно как и усы – естественного светлого, без примеси красителей, цвета, напоминающего, как говаривали его друзья, доброе ячменное пиво.

Покинув здание почтового управления, он остановился, чтобы прикурить – и остолбенел, заслышав звук, которому не положено звучать в этот час на железнодорожной станции. До ушей его донёсся отдалённый стук колёс поезда, мчащегося на всех парах. Норс, совершенно трезвый по причине утреннего времени, сверился с подаренными ему градоначальником карманными часами с календарём. Там значилось: «понедельник». Даже если часы и подвели его, Норс не мог ошибиться насчёт времени: солнце, находясь достаточно далеко от зенита, указывало на то, что сейчас около десяти утра.

Единственный поезд, пришедший в Дуннорэ-понт только по четвергам, неизменно в семь утра, явно заблудился либо...

Норс почувствовал сенсацию, подобно тому, как охотничья собака чует дичь. Даже если расписание поездов изменили, это уже событие по меркам их города, и он, а не сплетники из «Чугунного столба», станет первым, кто поведаст обо всём народу. Если же случилось то, о чём Норс пока что даже в мыслях боится признаться самому себе, его газете светит стремительный рост продаж. Уже обдумывая текст статьи и содержание заголовка внеочередного выпуска, он вернулся в здание, которое только что покинул – но со стороны, обращённой к железнодорожной колее. С трудом сдерживая возбуждение, Норс едва ли не бегом пересёк безлюдный зал ожидания и наклонился к окошку, за которым прятался кассир, старик Гивел.

– Что это за поезд там пыхтит, дружище? – Несмотря на волнение, он улыбался как можно шире, чтобы Гивел вдруг не заподозрил, что выдаваемая им информация стоит денег.

– Экстренный! – отрезал старик, угрожающе выпучив глаза. Задёрнув шторку, он оставил Норса наедине с его фантастическими предположениями. Редактор «Городских новостей», мгновенно сообразив, что, будь о прибытии экстренного поезда известно заранее, он бы уже знал об этом из своих источников в ратуше, благо там же размещалась и его редакция, а сам он на прошлых выборах возглавлял избирательный штаб градоначальника и посему пользовался его личным доверием. Следовательно, новость, поступившая, вероятнее всего, только что, пришла на почту в виде телефонного звонка или телеграммы, а уже оттуда Гивелу перезвонили о прибытии поезда – едва ли не позже самого прибытия.

Репортёр, бормоча вполголоса себе под нос что-то об извечном головотяпстве мелких чиновников, вышел на перрон и, уже надумав вновь заглянуть на почту, чтобы разузнать подробности, вынужден был замереть на месте.

Огромный чёрно-синий паровоз, издав оглушительный свист, выпустил пар из машины, пытаясь погасить избыточную скорость. Скрежеща выкрашенными в красный цвет колёсами, стальное чудовище визжало, как живое, подвергаемое пытке, существо. Наконец, проехав чуть больше, чем ему следовало бы, паровоз замер, окутанный клубами пара.

Норс, который, в силу свойственной ему наивности, полагал, что сюрпризы на сегодня закончились, получил возможность увидеть, кто именно прибыл на «экстренном» – и выру-

⁵ Гомеспун – разновидность шерстяной ткани.

гался, не в силах скрыть своё удивление. Челюсть журналиста медленно отвисла и опускалась всё ниже по мере того, как первый вновь прибывший пассажир делал шаги вниз по ступенькам.

Наконец, ноги, обутые в чёрные, начищенные до блеска, ботинки опустились на перрон и чётко, по-военному, сошлись вместе. Раздавшийся затем свист, по громкости способный конкурировать с паровозным гудком, послужил началом поспешному топоту многочисленных, столь же чёрных и блестящих, ботинок. После непродолжительной суеты, в которую то и дело врезались отрывистые команды и пронзительные трели сержантских свистков, ботинки и их обладатели построились ровными шеренгами вдоль поезда.

Норс, вынужденный, чтоб его не растоптали, забиться в зал ожидания, в те недолгие, проведённые солдатами на вокзале, минуты имел возможность внимательно разглядеть их экипировку. Прильнув к одному из запylённых окон, он успел увидеть достаточно, пока удар приклада, потрясший раму с противоположной стороны, не напомнил: военные не жалуют любопытных.

Впрочем, газетчик уже имел пищу для размышлений. Сам собой напрашивался очевидный вывод: единственной причиной прибытия в Дуннорэ-понт воинской части могла стать только его же вчерашняя телеграмма о необычной буре на заброшенной ферме. По крайней мере, наличие у всех солдат противогазов, а у одного отделения – радиометров, спектрометров, электрометров и ряда других измерительных приборов неизвестного Норсу предназначения, – не могло иметь причиной что-либо иное.

Вскоре, не задерживаясь на одном месте, солдаты скорым шагом покинули вокзал.

Норс же, сообразительный как от природы, так и в силу наличия определённых профессиональных навыков, приосанился и, напустив на лицо скучающее выражение, подошёл к паровозу. Машинист, надвинув фуражку на глаза, проигнорировал его и отправился к Гивелу, громко и не выбирая слов требуя уголь и воду. Это, впрочем, ничуть не смутило неунывающего репортёра. Постучав в стальной борт локомотива, он дождался, пока не выглянет кочегар – нечёсанный широкоплечий блондин без фуражки, весь чумазый от копоти.

– Чего вам, сэр? – Хриплый голос, запах табака и кислого вина свидетельствовали о том, что Норс обратился по адресу. Вредные привычки сами по себе требуют денег, а скверный характер всегда толкает на нарушения устава. Такой человек охотно продаст информацию, даже если это и запрещено. В руке журналиста сверкнула серебряная монета.

– Один шиллинг, – сказал он. Кочегар облизнул губы и осмотрелся по сторонам. Рука его, волосатая и жилистая, вытянулась вперёд так далеко, словно могла удлиняться по воле владельца. Мозолистая ладонь схватила шиллинг вместе с протянувшими его пальцами почище тисков.

После непродолжительного разговора, прерванного появлением машиниста, Норс отошёл в сторону, чтобы обдумать услышанное. Сдвинув котелок на затылок, редактор «Городских новостей» простоял на перроне около минуты, молча глядя себе под ноги. Наконец, поборов желание закурить, он поправил головной убор и, подкрутив усы, энергичным, пружинистым шагом направился в редакцию.

Выпущенному им тем же вечером номеру, фактически, листку, в котором говорилось о прибытии в город *«оснащённой современной техникой 2-й роты 1-го батальона 36-го пехотного полка армии Его Королевского Величества под командованием капитана Глайниса – в связи с недавними метеорологическими феноменами»*, суждено было стать первым пропагандистским ударом Королевства Айлестер по новому, ещё не известному врагу.

Глава

II

Капитан Одхан Глайнис бросил нетерпеливый взгляд на то, что уже успели окрестить «Дуннорэ-понтским феноменом»: большую, неправильной формы зону, напоминающую

обглоданный овал, имевший около массфута⁶ в длину и до терцдуазфута⁷ в ширину. Пространство, достигавшее почти секстдуаз⁸ футов в высоту, наполнял алый газ, который в придачу испускал подозрительного вида мерцающие блики.

Газ этот постепенно сгущался, скрывая очертания предмета, расположенного в центре аномалии. Чёрный, как бескрайние просторы космоса, он имел грушевидную форму и, похоже, вращался вокруг собственной оси по сложной траектории.

Если оптические приборы не обманывали, этот сгусток мрака, не более фута в диаметре, просто парил в воздухе, то и дело выбрасывая в стороны короткие, угрожающего вида отростки.

Капитан нахмурился: приборы, которые он собой привёз, не давали никакой информации о природе загадочного феномена – вблизи него не наблюдалось отклонений от нормы вообще, в то время как попытки выдвинуть детекторы на специальных кронштейнах внутрь зоны свечения приводили к тому, что стрелки на циферблатах начинали вращаться как безумные.

Данное обстоятельство наводило на подозрения. Учитывая его, Глайнис запретил своим подчинённым приближаться к зоне ДПФ ближе, чем на дуазфут. С этой целью была сделана соответствующая флажковая разметка, которую впоследствии предстояло сменить надёжному забору из колючей проволоки. Наблюдения за птицами, в изобилии носившимся вокруг, убедили Глайниса в правильности принятого решения: по непонятным причинам пернатые избегали залетать в пространство, занятое аномалией.

Постукивая себя стеком по обтянутому гетрой голенищу ботинка, капитан углубился в невесёлые раздумья. Одхан Глайнис являлся типичным представителем офицерской касты: высокий, с вытянутым, как у его любимой кобылы Улы (по которой он сейчас скучал), лицом и с по-лошадиному крупными зубами голубоглазый шатен; его отличали грубоватые манеры, любовь командовать и привычка платить карточные долги. Проведя рукой по коротко остриженным усам, он велел подзвать капрала Родри. Тот вскоре явился с винтовкой наперевес: крепко сложенный, почти такого же роста, как и капитан, рыжеволосый парень.

– Попадёшь? – Глайнис указал стеком туда, где вращалось маслянистое чёрное пятно.

– Шутите, сэр? – В светлых глазах Родри промелькнула лёгкая тень оскорблённого достоинства. Он считался лучшим стрелком полка. – С такого расстояния я в булавку попаду!

Тем не менее, Глайнис, уловил за напускной небрежностью капрала то самое чувство, что все они сейчас старательно скрывали друг от друга: страх. Винтовка, послушная Родри, словно ручная собачонка, взлетела вверх и замерла. После секундной паузы грохнул выстрел, и из ствола вырвался язык пламени. Родри выстрелил ещё трижды – и каждый раз, по общему мнению, попал в цель. И каждый раз – без какого-либо эффекта.

– Хорошо, Родри. Можешь идти. – Чуть оглохший от пальбы капитан всё же заметил нечто, показавшееся странным – странным, даже если учитывать необычные обстоятельства дела. Не прошло и минуты, как он вновь подзвал Родри и одного из сержантов.

– Тэлфрин, соорудите из бумаги мишень по ту сторону ДПФ. – Коротко кивнув, сержант бегом помчался исполнять его приказание. Наконец, в самом узком месте зоны свечения поставили щит из досок и бумаги – на его изготовление ушла часть покосившейся ограды и вчерашний номер «Королевских ежедневных», на тот момент уже частично использованный для гигиенических нужд одним из нижних чинов. Капитан, поинтересовавшись, есть ли там заметка о ДПФ, и получив отрицательный ответ, приказал Родри открыть огонь. Если его предположение подтвердится, «Королевские ежедневные» очень скоро напишут и о ДПФ, и о капрале Родри – если, конечно, контрразведка не засекретит все сегодняшние события.

⁶ Масс (кэлт.) – «дуаз дуазов», или 12 по 12, 144. Массфут – неполных 44 м.

⁷ Терцдуаз (кэлт.) – «тройной дуаз», то есть три дюжины, 36. Терцдуазфут – почти 11 м.

⁸ Секстдуаз – 6 по 12, 72. Секстдуазфут – 22 м.

Родри, передёргивая после каждого выстрела затвор, расстрелял всю обойму – шесть патронов. Как показала проверка, ни одна из пуль не смогла преодолеть сопротивление чёрного вещества или хотя бы повлиять на его вращение. Все они самым непостижимым образом остановились ещё до того, как столкнулись с ним либо же были бесследно поглощены.

Глайнис, озадаченный в ещё большей степени, нежели до испытаний, велел своим подчинённым готовить обед. В тот момент, когда солдаты, порубив на дрова остаток бревенчатой ограды, поглощали разогретые прямо в жестяных банках мясные и бобовые консервы, его позвали к радиопередатчику. Подобно отделению с измерительными приборами, радиостанцию придали роте по причине особых обстоятельств.

Приняв радиограмму из рук капрала, носившего в петлицах изображение золотистой крылатой молнии – эмблема войск связи, – капитан почувствовал, как его скулы сводит от едва сдерживаемой ярости. Командир полка в достаточно резких выражениях сообщал Глайнису, что ДПФ уже стал причиной смерти одного человека, и об этом известно всей столице, по крайней мере, тем её жителям, что читают газеты, и что по этому поводу уже в министерство, генеральный штаб, а оттуда – и в штаб дивизионного округа сделаны гневные звонки от имени высочайших лиц.

При упоминании о королевской фамилии капитан Глайнис вытянулся по стойке «смирно» и, отдав приказ выставить двойные караулы, отобрал один взвод, чтобы посетить Дуннорэ-понт. Радист же получил сомнительное удовольствие оттого, что выслушал нецензурную брань капитана, спешившего надиктовать ответ. В отправленной обратно радиограмме присутствовали следующие фразы: *«приборы не воспринимают особенностей ДПФ... подчиняется собственным законам... успешно противостоит воздействию винтовочного огня... необходимы... подкрепления»*. Война, уже имевшая первую, но далеко не последнюю, жертву, понемногу набирала обороты.

Глава

III

В редакции «Городских новостей» кипела работа. Наборщик сего почтенного издания Дитнол Норс – а заодно репортёр, редактор и владелец в единственном лице, – повозившись изрядно с рукописным текстом заметки и литерами шрифта, перешёл к печатанию тиража. Вращая ручку пристроенного к станку при помощи системы шкивов колеса, он быстро размножил масс экземпляров. Стопка газет, с ещё сырой краской, немедленно перешла в руки двух мальчишек, занимавшихся распространением. Норс же, чувствуя, что выполнил свою работу, присел отдохнуть.

Облокотившись о тумбу печатного станка, он устало закурил прямо в помещении. Впрочем, не прошло и нескольких минут, как дверь в помещение редакции-типографии распахнулась, и внутрь ворвался запыхавшийся разносчик газет, не распродавший, судя по всему, и шестой доли газет.

Едва отдышавшись, юный наглец потребовал полушиллинг.

– С чего это вдруг? – ухмыльнулся Норс. – Я никому ничего не плачу, ты же знаешь. Что продашь, то твоё.

Мальчишка презрительно скривил губы.

– Напечатав номер с историей, которую я вам расскажу, вы заработаете много больше.

Норс, улыбнувшись в усы, согласился купить историю, если та окажется достойной публикации.

– Но сперва ты должен её рассказать. – На лице мальчугана отразилось недоверие, но, мгновенно смекнув, что Норс не сможет продавать газету в обход его с товарищами «корпорации», согласился.

– Ладно, я вам верю, сэр. – Он засунул руки в карманы, а потом вынул их и, поколебавшись, произнёс слова, принудившие Норса забыть об отдыхе. – Этот красный свет уже убил одного человека.

Отбросив дымящийся окурок прямо на пол, редактор немедленно сунул мальчишке полушилллинг и потребовал изложить обстоятельства дела. Оказалось, что один бродяга, Моргейн, отдал Эзусу душу – или вот-вот отдаст – в результате губительного воздействия неземного света, которому подвергся на заброшенной ферме.

Эта новость привела Норса в состояние крайнего возбуждения. Отделавшись от мальчишки, он начал нетерпеливо мерить комнату шагами. Закурив ещё одну сигарету, он ходил взад-вперёд, бормоча себе под нос: «Невероятно! Просто фантастика! Это излучение способно убивать!..». Наконец, словно вспомнив о чём-то, он взъерошил, а потом пригладил свои волосы, подровнял их при помощи расчёски – и, схватив котелок, выскочил из ратуши, оставившись лишь дважды: первый раз – когда запирает дверь, а второй – когда нос к носу, а вернее – нос к животу, ибо градоначальник обладал весьма внушительными пропорциями, столкнулся с Малкольмом Финлеем.

– В чём дело, Норс? – процедил сквозь зубы градоначальник. При этом он заткнул пальцы больших рук за пояс таким образом, что локти его едва не упёрлись в стены узкого коридора.

Так как обойти Финлея не представлялось возможным, Норс пробормотал слова извинения и попытался протиснуться под левую руку своего патрона, которая, как он знал, в силе уступала правой. Впрочем, тщетно: Финлей, надув свои раскрасневшиеся от гнева и, судя по запаху, и от выпитого тоже, щёки, с неожиданной для его комплекции ловкостью развернулся и прижал Норса к стене. Сдавленный брюхом, в котором, если верить утверждениям очевидцев, неоднократно умещался молочный поросёнок, редактор был вынужден призвать на помощь всё своё, выработанное многолетними трудами на ниве журналистики, красноречие.

Однако на сей раз Финлей проявил неожиданную неговорчивость. Словно не заметив изящных словесных пассажей, которыми пытался отвлечь его собеседник, он, выругавшись, навалился на Норса так, что у того перехватило дыхание.

– Хватит лгать мне, мерзавец! Я желаю знать, что происходит в городе, причём тотчас же! – Смысл спорить отсутствовал, и Норс, осознав, что выгодней в данных обстоятельствах сказать правду, просиял фальшивой улыбкой.

– Я как раз пытаюсь это выяснить, сэр. – Насколько позволяло настроение градоначальника и его препятствовавший дыханию живот, Норс поделился информацией о заброшенной ферме и случае с Моргейном.

– Этот забулдыга, который и дома-то своего не имеет... – Градоначальник прищурил маленькие чёрные глазки, казалось, утопающие в складках жира. – Его судьба должна волновать *меня*? Почему мне звонили из столицы – из Логдиниума⁹, понимаешь? – и требовали обо всём докладывать?

Норс и сам, причём как можно скорее, желал получить ответы на эти вопросы, однако утроба градоначальника встала на его пути непреодолимым барьером.

– Вы первым получите всю информацию; можете мне поверить, я уделю максимум внимания удовлетворению ваших требований. – Норс старался говорить как можно убедительнее, с пылом, имитирующим служебное рвение.

Финлей заглянул ему в глаза и, удовлетворившись увиденным, сделал шаг назад. Грудь у Норса болезненно ныла, он не удивился бы, если бы оказалось, что сломано несколько рёбер.

Успокоив себя тем, что он как раз и отправляется к доктору, редактор «Городских новостей» поспешил вниз по ступеням. Выскочив на мощёную булыжником улицу, он с облегчением обнаружил, что автомобиль Йона Дорнбара стоит рядом. Дорнбар, владелец немолодого

⁹ Логдиниум – «Луг-дунум» (кэлт.), что в переводе означает «Сияющий Город».

уже «кернунна»¹⁰, чванливо именовал себя «главным таксистом города», хотя на деле являлся единственным, кто занимался в Дуннорэ-понт извозом вообще. Норс помахал ему рукой и, едва белая, с крыльями цвета полевого шпата, машина приблизилась, запрыгнул внутрь.

– К доктору Вейру.

– Да, господин Норс, – флегматично ответил Дорнбар и, нажав на педаль газа, повёз своего пассажира к дому единственного в городе практикующего врача.

В кабине пахло бензином. Из-за громыхающего поршнями двигателя чудовищной, по меркам стариков, мощности – две дюжины лошадиных сил – Норс почти не слышал расспросов любопытствующего таксиста. Дорнбар чуть ли не ежесекундно жал на клаксон – то отвечая на приветствия знакомых, то требуя освободить ему дорогу.

Норс, погружённый в свои мысли, не слишком следил за происходящим, даже когда Дорнбар высунулся из окна и начал грозить кулаком кому-то, кто едва не попал под колёса автомобиля. Наконец, они остановились у двухэтажного дома из глазурованного кирпича, и стало ясно, что поездка подошла к концу. Рассчитавшись, Норс приблизился к дверям и несколько раз ударил подвешенным тут же деревянным молотком.

– Иду, иду, – послышался скрипучий голос, принадлежащий кому-то, кто прожил не менее четырёх с лишком дуазов лет и за это время совершенно утратил привычку торопиться. Судя по раздражённым ноткам, у доктора Вейра к тому же выдался трудный день.

Дверь распахнулась, и перед Норсом возник невысокий, полный мужчина; седина его удобно расположилась в аккуратно подстриженных бакенбардах и по периметру поблёскивающей розовой лысины. Видимо, в этот момент доктор как раз принимал пациента, поскольку поверх жилетки он носил белый халат. Впрочем, судя по тоске, затаившейся в карих, выразительных глазах Вейра, пациент этот, которым мог быть только Моргейн, не подавал ни малейших надежд. Или...

– Он жив? – торопливо спросил Норс.

Даже не спросив, о ком идёт речь, Вейр машинально мотнул головой слева направо. Норс всё понял без слов.

Он позволил врачу провести себя в ближайшую комнату, переоборудованную под приёмный кабинет. Покойник лежал на кровати, ставшей его смертным одром; его лицо с заострившимися скулами и пергаментной кожей производило жуткое впечатление, особенно если учесть, что полуоткрытый рот будто свело в оскале, а невидящие глаза смотрели прямо на газетчика.

Поёжившись, Норс уже хотел было полюбопытствовать, почему Моргейну не закрыли глаза, как доктор, одев респираторную повязку, ответил тем самым на невысказанный вопрос. Существовала опасность заражения неизвестной науке инфекцией – Норс сразу почувствовал это, наблюдая за осторожными движениями Вейра.

Репортёр замер на месте как вкопанный, не решаясь сделать хотя бы шаг вперёд. Теперь в глаза ему бросилась кровь: алые пятна виднелись повсюду, словно Моргейна перед смертью рвало кровью; перемешанная с гноем, она покрывала лицо, руки покойного, вся постель и даже пол были основательно перепачканы этими выделениями, отвратительными и ужасными одновременно.

Доктор Вейр глухим, едва слышным из-за маски, голосом начал рассказывать, как Моргейн пришёл к нему утром. Тот, как оказалось, в последнее время ночевал на заброшенной ферме, а днём ходил в город, где перебивался подёнщиной и пьянствовал. Накануне он, изрядно навеселе, шёл к покосившемуся дому, однако свечение, которого он ранее старался избегать, вдруг стало всячески привлекать Моргейна, причём, как тот уверял, против его воли. Наконец, почувствовав, что сон одолевает его, бродяга решил, что было бы неплохо вздремнуть

¹⁰ Кернунн – кельтское божество.

в той чёрной тени, которая, наверняка, дарует прохладу и покой. Учитывая, что стояла ужасная жара, он не смог найти в себе силы противиться идущему из черноты зову и прикорнул там.

Когда Моргейн проснулся, уже стемнело; чувствовал он себя омерзительно. Хотя похмелье для покойного являлось привычным состоянием, на сей раз случилось что-то особенное, так как он счёл за необходимость обратиться к врачу. Его не остановило ни отсутствие денег, ни то, что причина, вероятно, заключалась в злоупотреблении спиртным. Вейр попытался завернуть забулдыгу ещё с порога, однако вдруг заметил одну странность, поразившую его.

– Я такого никогда раньше не видел, несмотря на то, что практикую уже более трёх дуа-зов лет. – Голос Вейра стал дрожащим, как у маленького перепуганного ребёнка. – Лицо Моргейна вдруг исчезло, я увидел обнажившиеся кости и ткани, мышцы, нервы, сосуды – словно в разрезе! О господи, хотел бы я, чтобы мне это привиделось! Но они кровоточили!

Доктор всхлипнул и умолк. Норс почувствовал, что нужно утешить этого маленького, насмерть перепуганного человечка, однако тот, словно спохватившись, отбросил его руку со своего плеча.

– Не надо! – В глазах его вспыхнуло что-то, принудившее журналиста отступить. Вейр закончил свою историю: Моргейн истёк кровью и гноем прямо у него на руках за считанные часы. Служанка врача, заподозрив инфекцию, отказалась убирать, и он дал ей расчёт. Не допустив к постепенно увеличивавшейся луже никого из своих домашних, он сам взял в руки ведро и тряпку.

– Моргейн умер, а я всё никак не мог отделаться от мысли, что уже где-то слышал – вернее, даже читал – о подобном случае. – Вейр понизил голос до громкого шёпота. – Память долго не раскрывала мне этот секрет, пока, разозлившись, я не вспомнил. Но книга, в которой встречается идентичное описание, не имеет ничего общего с медициной, молодой человек.

Норс, уже начал понимать, куда клонит Вейр.

– В Писании Эзуса говорится о фоморах, демонах, существующих в двух мирах одновременно – в нашем и в призрачном. – Голос врача срывался.

– Один глаз, одна рука, и нога только одна – вторая половина Нечистому посвящена, – процитировал Норс, заметив, что и Вейр присоединился к нему.

Больше им говорить было не о чем. Норс отказался от чая и, попрощавшись, вышел из дома Вейров. К его облегчению, «кернунн» всё ещё находился рядом – видимо, Дорнбар рассчитывал, как минимум, удвоить свой заработок. Что ж, он не прогадал, подумал Норс и подкрутил усы. Он с удивлением отметил, что руки его дрожат.

– На почту, и побыстрее. – Он решил нарушить обещание, данное градоначальнику. «Вырванные угрозой применения силы клятвы нельзя выполнять», – твердил он сам себе, – Мир должен знать, что здесь происходит». Норс мог только представить, какую сенсацию в столице произведёт подобная публикация, и, оплачивая телеграмму, чувствовал, как по коже у него бегут мурашки. Он, Дитнол Норс, станет тем, кто первым напишет о смертельной опасности, угрожающей человечеству! Его имя прославится, и он, возможно, даже разбогатеет настолько, чтобы купить себе печатный станок с электрическим приводом – в конце концов, обещал ведь Финлей провести в ратушу электричество!

Ему было невдомёк, что пройдёт совсем немного времени, и электрические токи перестанут подчиняться законам физики, а в Дуннорэ-понт, как и во всём Айлестере, совершенно забросят чтение газет – даже умение читать и писать станет необычайной редкостью.

Заглянув в ратушу, Норс доложил обо всём Финлею, чем в какой-то мере выполнил их уговор, и пошёл к себе в редакцию. Холостяцкий статус позволял не ночевать дома, и он мог всецело посвятить предстоящую ночь работе – сочинению текста, вёрстке и набору. Тираж, каким бы большим, по меркам Дуннорэ-понт, он ни был, разойдётся полностью – в этом не возникало ни малейших сомнений.

Повесив пиджак на спинку стула, Норс расстегнул ворот сорочки, засучил рукава и сдвинул котелок на затылок. Его ожидала чёртова уйма работы.

Глава

IV

Новости о Дуннорэ-понтском феномене гуляли по столице, оживляя праздные разговоры в кофейнях, тавернах и пивных, ими приветствовали друг друга мелкие чиновники, полицейские и портовые контрабандисты. Городишко на северо-западной окраине королевства, никогда и ничем не привлекавший к себе внимания, был у всех на местах. Единственными, кто не обсуждал сию животрепещущую тему, являлись, как ни странно, военные.

Почётный караул, занявший свой пост у входа в министерство армии на Дубх Клиат, 19, оставался совершенно безучастным к сплетням. Впрочем, гвардейцы всегда вели себя так: их лица по выразительности могли составить конкуренцию граниту. Солдаты этого отборного полка, шефом которого являлся кузен короля, носили расшитые серебром зелёные, с синими обшлагами, петлицами, лацканами и подкладкой, мундиры образца прошлого века¹¹, – дань временам, когда вооружённая мощь Айлестера позволила ему расширить своё влияние на большую часть континента. Пусть ныне от былой славы остались лишь записи в учебниках истории да музейные экспонаты, память о ней сохранялась с безусловным пиететом, что проявлялось, в том числе, и в попытках сохранить неприкосновенными символы давних побед, как, например, фасон и расцветку гвардейских мундиров. Олицетворяя собой незыблемость древних порядков, рослые, возвышающиеся над прохожими, часовые всегда несли свой неуспянный караул молча и совершенно неподвижно, напоминая башни средневекового замка, неподвластные ветрам времени и моде на перемены.

Тем не менее, в дни, когда вопрос Дуннорэ-понтского феномена в салонах, клубах и мюзик-холлах был всего лишь модной темой, занимающей паузы между привычными развлечениями, в министерстве обороны он уже стал причиной созыва совещания с участием заместителя министра и всего генерального штаба в полном составе. Особенно показательно, что совещание, начавшееся в семь часов вечера, а время это – само по себе внеурочное, грозило затянуться допоздна.

Чтобы стать свидетелем столь поспешной реакции должностных лиц высшего ранга на малозначительные события в отдалённом графстве, наблюдателю следовало перенестись за каменную, со стальными прутьями, ограду, вдоль которой безмолвными изваяниями застыли часовые в зелёно-сине-серебряных мундирах и чёрных меховых шапках, проникнуть незримым призраком в здание неоклассического стиля с украшенным шестью колоннами главным входом, подняться по ступеням, застланным толстым ковром с ворсом столь высоким, что в нём могли утонуть даже кавалерийские сапоги, на второй этаж, и, проскользнув в тончайшую щёлку под двустворчатыми дверьми морёного дуба, занять место за вытянувшимся на добрый массфут¹² длинным лакированным столом из красного дерева.

Только внутри здания находилось четыре поста охраны, на которых спрашивали не только соответствующие документы, но и, в одном случае, – пароль, обновляемый ежедневно. Даже невидимка, которых в ту пору ещё не водилось в королевстве, не смог бы преодолеть все препятствия, так как, не доверяя вполне ни человеческому уху, ни глазу, ни совести, люди, создававшие систему безопасности, дополнили её новейшей системой сигнализации, срабатывавшей, если наступить на определённую половицу, а также в случае открытия двери в неурочный час, – и даже новейшие ультракрасные¹³ детекторы.

¹¹ Век в дуодецимальном счислении – то же, что и *масслетие*, 144 года.

¹² 144 фута, около 45 м.

¹³ Инфракрасные.

Что самое интересное, сигнальная лампочка, загоравшаяся при проникновении посторонних в запретную зону, располагалась не только в самом министерстве обороны, но и в Его Королевского Величества Управлении тайного сыска и надзора (УТСН), расположенном на соседней улице. Таким образом, даже сам министр армии или любой из генерал-фельдмаршалов королевства не смог бы скрыть подобных нарушений режима секретности, если бы они каким-то чудом произошли.

Тем не менее, опасения, что содержание разговора высшего командного и руководящего состава станет известно посторонним, в тот вечер были особенно сильны. В конечном счёте, то, что он дошёл до потомков почти без искажений текста, свидетельствует о наличии под данными опасениями определённой почвы. В большинстве случаев, те, кто должен отвечать за соблюдение строжайшей тайны, сами же её и разглашают по тем или иным причинам. Данное совещание, вошедшее в историю, также не стало исключением: присягу нарушили все пятнадцать присутствовавших в комнате человек. Четырнадцать поделились информацией с грифом «совершенно секретно» с любовницами, из них трое – ещё и с супругами, двое, включая стенографистку – с агентами иностранных разведок, и лишь один человек (заместитель министра) поведал о совещании всему миру в открытой публикации.

Совещание открыл замминистра, Бранн да Менлик. Это был безукоризненно одетый, элегантный, подтянутый, прямой мужчина – штатский от модных туфель, карманных часов на золотой цепочке и холёных ногтей до накрахмаленного воротничка и седовласой шевелюры, к которой не прилагалась форменная фуражка.

– Господа, как вам известно, в графстве Ланнвуд обнаружено явление, уже получившее название «Дуннорэ-понтский феномен». В настоящее время ситуация вполне контролируется нами – погиб всего лишь один человек, – однако мне, да и нашему руководству, – при этих словах да Менлик воздел глаза к потолку, словно тот угрожал вот-вот дать течь, – хотелось бы разрешить сию маленькую, досадную проблему – словом, недоразумение – как можно скорее. Я бы хотел выслушать ваши соображения по этому поводу.

Первым в таких случаях положено докладывать, вернее, оправдываться, младшему по званию, и старые, опытные в деле кабинетных интриг генералы, предусмотрительно пригласившие на эту роль майора Инвиха, с улыбкой дали ему слово. Инвиху, возглавлявшему отдел чрезвычайного взаимодействия с гражданскими властями, исполнилось тридцать девять лет; он имел брюшко и двух детей, а потому не собирался становиться мальчиком для битья. Меланхолично улыбнувшись заместителю министра, он сообщил, что ДПФ локализован силами пехотной роты, которая является более чем достаточной силой, чтобы изолировать аномалию, ограничив к ней доступ посторонних, и предварительно изучить её.

– Справилась ли она со своей задачей, майор? – иронично спросил да Менлик.

– Насколько мне известно, да, – не дрогнув ни лицом, ни голосом, уверенно ответил майор.

Да Менлик, старый служака, сменивший за свою долгую карьеру едва ли не десяток министерств, не отличался эмоциональностью и никогда не повышал голос на подчинённых. Поэтому он просто попросил передать Инвиху вечерний номер «Королевских ежедневных» и текст радиogramмы капитана Глайниса в штаб дивизионного округа.

– Вы полагаете, это доказательства правоты ваших слов, майор? Умер человек, причём ужасной смертью, капитан требует подкреплений!..

– Мы скорбим о преждевременном уходе из жизни этого... Моргейна, сэр, – презрительно поджав губы, ответил Инвих. – Однако едва ли наши солдаты могли уберечь его от гибели, поскольку запрос от гражданских властей на отправку воинской части в Дуннорэ-понт пришёл уже *после* инцидента, повлёкшего данную смерть.

Сидевшие за столом седовласые генералы не смогли сдержать смешки. Лишь нахмурившееся лицо да Менлика послужило напоминанием о его недовольстве. Майор явно тянул его за усы.

– Несовершенство технических средств, которые я мог передать капитану, не является ни его, ни моей виной – этот вопрос следует адресовать научно-исследовательскому отделу. – Инвих говорил невыразительным, как и вся его внешность, тоном, без каких-либо эмоций, но насмешка содержалась в самом смысле его слов. – Несомненно, однако, что привлечение к операции более мощной техники, ведущих учёных – и определённого количества военных, которые ограничат доступ к ДПФ излишне любопытных штатских, – всё это позволит разрешить проблему. Однако на данный момент закон не позволяет нам предпринимать какие-либо дополнительные шаги без санкции властей.

Да Менлик, чьё лицо покрылось алыми пятнами, с минуту молча жевал губы. Потом, полностью овладев собой, ровным и спокойным голосом спросил:

– Интересовались ли вы, сколько именно потребуется солдат, техники... денег, наконец?

Инвар не пожал плечами – этот жест невозможно выполнить выпрямленным по всем требованиям устава торсом военного, – но глаза его мигнули. Это указывало на неспособность дать тот ответ, который хотел услышать заместитель министра. Однако майор занимал свою должность не затем, чтобы его можно было вот так запросто поставить в тупик.

– Армия сделает всё необходимое для защиты интересов Его Величества – и выполнит любые его приказы.

Да Менлик пренебрежительно скривил краешек тонких губ – правый, рядом с которым красовалась имитирующая родинку чёрная «мушка».

– Следовательно, вы совершенно не интересовались вопросом, майор – и просто выполнили требование штатских. – Уже сказав это, да Менлик понял, что неудачно выразился, стремясь обвинить Инвиха, но поздно – военный, конечно, тут же воспользовался представившейся ему возможностью нанести оппоненту ответный удар ниже пояса.

– Сейчас я также исполняю приказы штатского, однако это ни в коей мере не умаляет моего достоинства. – Слова Инвиха вызвали ропот одобрения среди генералов. Да Менлик как третий сын герцога превосходил их родовитостью, однако воинская служба, давно уже не обязательная для дворян, выдвинула значительное количество офицеров из незнатных семей. Лишь воинские заслуги являлись причиной, достаточной для продвижения по службе, и, как поговаривали, недалёк тот день, когда в офицерские училища начнут набирать безродных. Тем не менее, реформа армии, ставшая причиной подобных изменений, одновременно позволила штатским возглавлять само министерство, не являясь при этом военными. В одном всё осталось по-прежнему: руководящие должности и далее принадлежали герцогам и маркизам.

Да Менлик, осознав, что настраивает против себя генералитет, мгновенно сменил тактику. Его лицо озарилось улыбкой.

– Нужно интересоваться тем, что происходит в мире, а не только бездумно исполнять служебную рутину, майор. Вот – посмотрите, что пишут в вечернем номере «Королевских». – Да Менлик толкнул сложенную вдвое газету, и та, проехав по гладкой поверхности стола, остановилась перед Инвихом. Майор, просмотрев передовицу, угрюмо сдвинул косматые брови.

– Фоморы – не более чем демоны, упоминаемые в Писании. Это выдумка.

Да Менлик, горестно вздохнув, приказал майору сесть и встал сам, упёршись обеими руками в столешницу.

– Господа офицеры, я вынужден сейчас поднять вопрос, который, по ряду причин, не имеет к армии прямого отношения, однако таит в себе угрозу и вам, и членам ваших семей, подобно тому, как вызов устоям всего общества представляет собой наибольшую опасность для тех, кто находится на его вершине. – Да Менлик выпрямился и, развернувшись к плотно занавешенному бархатной шторой окну, указал рукой в его направлении. – Последняя стачка,

охватившая большинство предприятий, включая и заводы Фаррела, закончилась два месяца назад. Восстания удалось избежать только ценой значительных уступок, к счастью, не включающих всеобщее избирательное право, о котором давно поговаривают крайние левые. Они, как вам отлично известно, умело заигрывают с чернью, убеждая подпоенных – нередко за деньги, идущие из-за рубежа, – рабочих, что те якобы ничем не хуже дворян – и даже самого короля!

Военные согласно закивали – политическая ситуация в стране, давно переживавшей экономический кризис, не представляла собой загадки. Да Менлик тем временем продолжал:

– Пресвитеры Айлестерской церкви Эзуса поддерживают учение о божественном источнике власти короля – и дворянства. Однако в последнее время всё более популярными стали различные обновленческие движения и секты, взывающие к самому тексту Писания, а не к словам пресвитеров. *«Бог сотворил всех равными, подобно тому, как плотник строгает доски из одного дерева»* – вот что там сказано. Представьте себе, какой эффект могут оказать разного рода популистские проповеди в столь необразованной, зачастую нетрезвой среде, особенно если она собьётся в толпу. И в этот момент будто бы возвращаются «давно исчезнувшие» фоморы! И неважно, выдумка это или нет – важно, что об этом пишут, и что это читают!

Слово попросил глава мобилизационного отдела генерал-майор Треворт – невысокий куадродуазлетний¹⁴ мужчина, темноволосый, с тонкими усиками. Да Менлик, бросив на него быстрый взгляд, немедленно дал своё разрешение. Уже по одной, способной соперничать по сладости даже с сахаром, дружелюбной улыбке да Менлика можно было догадаться об испытываемых этим чиновником чувствах. Он не любил войну, недолюбливал людей в военной форме – и более всего ненавидел, когда последние начинали поговаривать о боевых действиях. Треворт же, несмотря на невозмутимое выражение лица, явно собирался взяться за это, столь противное заместителю министра, занятие.

Однако да Менлик, поджав губы, приготовился выслушать всё, что ему скажут, ибо, несмотря на то, что сидевший рядом генерал-фельдмаршал Блейнет, молчал, все знали: из уст Треворта исходят его речи. Генерал-фельдмаршал Блейнет, чьи волосы своей белизной не уступали горному снегу, а усы достигали удивительной толщины и длины, и был армией. В свой квинкдуаз¹⁵ с лишком лет он возглавлял генеральный штаб, успев отличиться более чем в полудюжине войн, не считая множества пограничных стычек, не признанных официально вооружённых конфликтов и антипартизанских операций.

Треворт, не отвлекаясь на преамбулу, всё изложил предельно кратко:

– В случае мобилизации мы с лёгкостью обратим этот фактор в свою пользу, господин заместитель министра. Религиозное рвение только воспламенит наши войска.

Да Менлик тяжело опустил на стул.

– В случае мобилизации... – только и смог выдавить он. Мертвенно-бледное лицо замминистра свидетельствовало: Треворт произнёс слова, услышать которые да Менлик опасался более всего.

– В настоящее время об этом, конечно, говорить не приходится, однако, если кризис окажется подобным заокеанскому, нам придётся прибегнуть и к этой мере, и к целому комплексу других, призванных обеспечить сохранность границ, государственного строя – и, в конечном счёте, рода людского.

Упоминание о событиях за океаном, где ещё несколько масслетий назад нашествие чудовищных существ, не известных на Земле, уничтожило все поселения айлестерцев, надломило да Менлика, и он, не споря, лишь слушал Треворта, периодически кивая и что-то бормоча.

– Адмиралтейство хранит в тайне все сведения о столкновениях на море за последнее масслетие, однако нам известно, что, неоднократно осуществлённые флотом Его Величества,

¹⁴ Куадродуаз – 4 по 12, 48.

¹⁵ Квинкдуаз – 5 по 12, 60.

попытки высадить десант закончились катастрофой – более того, в этом дуэзлетии ни один корабль даже не смог приблизиться к берегам Атлантии¹⁶. В открытом море, даже на подступах к берегам Королевства, флот постоянно несёт потери. Широкомасштабная программа постройки броненосного флота, подводных лодок и новейших авианесущих кораблей, утверждённая парламентом и королевским указом в прошлом году, свидетельствует, что сложилась по-настоящему серьёзная ситуация. Это позволяет предположить недостаточность существующих у нас средств борьбы – и, видимо, приведёт к необходимости отмотилизовать все наличные ресурсы, включая и живую силу.

Да Менлик бессильно застонал и тяжело опустил голову, подперев её правой рукой. Казалось, ещё чуть-чуть – и он потеряет сознание либо расплается.

– Как вы оцениваете наши шансы? – слабым, бесцветным голосом спросил он.

Треворт только пожал плечами.

– В настоящее время проблемы как таковой нет. Суть ДПФ нам непонятна и неподвластна. Если аномалия останется стабильной, мы подвергнем источник излучения тщательному исследованию. Если же – вернее, *когда* – ДПФ начнёт увеличиваться в размерах, распространяя своё влияние на окружающую среду, более чем вероятно, что нам придётся форсировать процесс и задействовать всё, что только возможно.

– «Если», «когда»... – В голосе да Менлика звенела сталь. Он указал на газету. – Вы можете хотя бы избавить меня от этих публикаций? Кто знает, что будет, если рабочие выйдут на улицы?

– До введения военной цензуры это крайне непросто. У нас нет соответствующих прав, согласно закону...

Да Менлик выпрямился, в глазах его появился блеск.

– Как дворянин вы чувствуете у себя наличие достаточных прав?

Треворт улыбнулся той особой улыбкой, в которой снисходительность сочетается с мнимым почтением:

– Наши благородные предки в своих деяниях всегда исходили из принципа, что сила сама по себе уже является правом.

Да Менлик кивнул:

– Тогда покажите мне, что армия ещё обладает силой, и я дам вам права!

Глава

V

Норса арестовали в его собственной редакции, сразу же после заката. В дверь, не постучав, ввалилось несколько солдат; не представляясь и не предъявляя каких-либо обвинений, они ударами прикладов и кованых ботинок загнали Норса в угол. Тот, опасаясь, что сейчас начнётся погром, сглотнул и, мысленно прикинув стоимость печатного станка, мебели и предметов обстановки, подготовил себя к неизбежному. Торжество грубой силы над свободой мысли было налицо. Права человека, в Айлестере столь формальные и ограниченные множеством хитроумных бюрократических предписаний и циркуляров, нарушались военными с поразительной лёгкостью.

– Да вы знаете, что с вами будет?! Что вы себе позволяете? – Несильный удар прикладом в зубы отбросил голову Норса назад; он ощутил во рту солоноватый привкус крови. Повторный удар пришёлся в солнечное сплетение – газетчик согнулся пополам и, бессильный произвести хоть слово, безуспешно пытался схватить ртом воздух.

– Так, я вижу здесь какие-то провокационные, возможно, даже пацифистские листовки, содержащие призывы к неповиновению властям... явная попытка раздуть мятеж... вы будете находиться под стражей до суда.

¹⁶ Атлантия (кэлт.) – название западного материка, который некогда безуспешно пытались колонизировать айлестерцы.

Возмутительный, лживый характер обвинений придал Норсу сил, и он, едва сдерживая наворачнувшиеся на глаза слёзы, посмотрел снизу вверх на дуодуазсекстлетнего¹⁷ – или около того – офицера с лицом, удивительно похожим на лошадиную морду – как чертами, так и выражением. Они уже виделись на дуннорэ-понтском вокзале, и Норс сразу узнал его: капитан Глайнис.

– Да, это я, – ответил Глайнис, когда Норс выкрикнул его фамилию и звание. – С какой целью, кстати, вы пытались разнюхать информацию о проводимой армией Его Величества операции?

Вопрос, неожиданный и коварный, лишил редактора воздуха не хуже, чем ещё один удар под дых.

– Я... закон позволяет... – Он сделал безуспешную попытку встать на ноги, тут же пресечённую – решительное движение приклада пригвоздило Норса к полу. – Не двигаться, мятежник!

– Будет возбуждено дело о шпионаже, – прокомментировал капитан Глайнис, просматривая содержимое только что отпечатанного, ещё не просохшего, номера. – Тираж конфискуется, дальше делом займётся суд военно-полевого трибунала.

Права его нарушались настолько вопиюще, что Норс, окончивший полтора курса юридического колледжа в Сигобриве, почувствовал, наконец, в себе силы говорить.

– Я – штатский! Меня должен судить дуннорэ-понтский суд, любой адвокат...

Глайнис, не отрываясь от чтения изъятого, а вернее, захваченного им экземпляра «Городских новостей», рассмеялся. Его подчинённые охотно подхватили этот смех своими мужицкими глотками.

– Закон о военном положении вам известен, господин Норс? – глядя в передовицу, спросил Глайнис. – Параграф пятый – «*Зона ответственности военных сил и распространение военного права на штатских в ходе боевых действий*»? Если коротко, то повсюду, где стоит моя нога, действуют законы военного времени.

В этот момент, демонстрируя правоту Глайниса, один из солдат наступил Норсу на отставленную в сторону руку, принудив редактора болезненно вскрикнуть, чем не вызвал среди присутствующих ничего, кроме нового взрыва смеха.

Норсу оставалось только признать очевидное: по крайней мере, в глазах своих подчинённых капитан с лошадиным лицом является законом. Апеллировать в данных обстоятельствах было не к кому, даже дружба с градоначальником, если подобный термин верно отражал суть их взаимоотношений, едва ли могла его выручить. Оставалось надеяться на более высокие инстанции, но к тому времени, когда всё закончится, может оказаться слишком поздно...

Глайнис наклонился почти к самому лицу прижатого к полу прикладами Норса.

– Я знаю, вы пользуетесь здесь покровительством градоначальника – Финлея, если не ошибаюсь? – Дождавшись, пока Норс кивнёт, капитан кивнул в ответ. – Правда, эти связи вам сейчас не очень-то помогут, если вы заметили. Я могу оставить вас под арестом...

Глайнис замолчал, ожидая, как отреагирует журналист. Перед тем словно открылся путь к спасению.

– Вы что-то предлагаете? – Норс внутренне восхитился собой – в его голосе прозвучала неожиданная, учитывая ситуацию, выдержка.

Капитан всецело предался возмущению и праведному гневу, которые вызывали в нём слова и поступки столь изменнического характера.

– Вам ничего не предлагают, господин Норс! Предлагать должны *вы*! Завтра-послезавтра начнётся мобилизация, и я подам вашу фамилию в списке рекомендованных лиц. Уверен, когда моё начальство увидит вот это, – Глайнис-Лошадиная Морда потряс газетой, – оно при-

¹⁷ 30 – летнего.

слушается ко мне. Вас отмотилизуют в пехоту, где старые, опытные солдаты живо выбьют из вас последнюю дурь...

Нижние чины заготали в ответ. Норсу звук их смеха, суливший новые унижения, пришёлся не по душе.

– Или...

– Молчать! – яростно оборвал его Глайнис. – Или трибунал – или мобилизация!.. Но! – Вытянутым указательным пальцем он коснулся лба редактора. – Но: если вы запишетесь добровольцем, учитывая ваше образование, вас, Норс, зачислят вольноопределяющимся. Я, возможно, даже разрешу вам издавать вашу дурацкую газетёнку!

Норс заподозрил, что капитан не шутит. То есть, несмотря на жестокий смех, он понимал, что оказался не просто на полу, но в ужасных обстоятельствах – слова Глайниса подозрительно походили на правду. Он знал также, что с военной службы, если время мирное, уволиться можно в любой момент. Во время войны, о которой прозрачно намекал капитан, статус вольноопределяющегося предоставлял заметные преимущества. Норс пришёл к выводу, что сейчас разумнее всего будет согласиться с налётчиками и предоставить им то, чего они требуют.

Ему позволили подняться на ноги, и, отряхнув пыль – только сейчас Норс пожалел, что пожадничал доплатить уборщику, – он уселся за письменный стол. Под диктовку Глайниса, то и дело нетерпеливо тыкавшего пальцем в лист бумаги, редактор собственноручно написал заявление на имя какого-то майора Никха из штаба 12-го дивизионного округа, в котором просил зачислить его на воинскую службу вольноопределяющимся в звании капрала и прикомандировать к 2-й роте 1-го батальона 36-го пехотного полка армии Его Королевского Величества.

Поставив число и подпись, Норс дрожащей рукой присыпал бумагу песком. Его радовало только то, что он стал капралом.

– Поздравляю тебя, старина! – Капитан хлопнул бывшего редактора по плечу с такой силой, что тот едва не проглотил свой язык. – Теперь ты – последний вояка последнего полка нашей армии!

Новые сослуживцы Норса расхохотались. Шутка о том, что их полк является «последним», была близка этим, давно утраченным для Эзуса, душам. Судя по всему, им приходилось совершать преступления в прошлом, о чём свидетельствовали и шрамы, и выражения лиц, встречающиеся обычно в тёмных закоулках и мрачных, переполненных криминальным элементом, пивных. Слово прочтя его мысли, капитан Глайнис рассмеялся.

– Не бойся, Норс! Ты оказался среди отъявленных негодяев, которые не дадут тебя в обиду. Тут нет сопляков – каждый из них продался вербовщику, уже находясь одной ногой в тюрьме.

Лица заулыбавшихся солдат приобрели грубоватое, странно дружелюбное выражение – так смотрели бы на Норса гоблины, будь им свойственны тёплые чувства. Он начал понимать, о чём говорит капитан – рота походила на одну большую семью.

– Капрал Норс!

Он понял, что Глайнис обращается к нему только после того, как кто-то подтолкнул его сзади.

– Да...сэр.

Глайнис скривился, словно лошади, живущей где-то в глубине его души, дали подгнивший овёс.

– Ты и сержант Мадук сейчас уничтожите весь тираж, а потом, не жалея сил, даже если на это уйдёт вся ночь, наберёте новую статью, текст которой санкционирую я и штаб дивизионного округа.

Пока основная часть солдат, пришедших с Глайнисом, отправилась захватывать почту – капитан почему-то пользовался выражением «взять под охрану», – Норс, Мадук и ещё двое

рядовых снесли стопки с только что отпечатанным тиражом в секстмасс¹⁸ штук во внутренний двор и облили керосином.

Норс, глядя в окно с высоты второго этажа, молча наблюдал, как пылает самый крупный в истории «Городских новостей» тираж и почему-то испытывал – нет, не разочарование и не горечь. Наоборот, им овладело чувство ни с чем не сравнимого облегчения, словно с его плеч свалился груз весом в тонну, если не больше.

Взгляд его, прикованный к танцующим языкам пламени, не сразу заметил, что ночную тьму разрывают ещё какие-то вспышки. Тем не менее, бывший «господин», а ныне – капрал армии Его Величества, скорее, почувствовал, чем увидел, что в загнипнотизировавшей его картине есть некий чуждый элемент.

Он сфокусировал свой взгляд в северо-западном направлении – и увидел вдалеке жёлто-белые искры: рассыпавшись на чёрной мантии ночи, они, словно невиданные камни на рубиновой подвеске, окружали светящееся багровым кольцо ДПФ. Норс вздрогнул: это могли быть только сполохи ружейного огня.

На заброшенной ферме начался бой.

Глава

VI

Непобедимое войско Могущественных, известное тогда как Дуннорэ-понтский феномен, впервые получило вооружённый отпор на айлестерской земле от солдат 36-го полка армии Его Величества Короля Эньюна IV, находившихся в непосредственном подчинении лейтенанта Филугхейна. Лейтенант, дуазнонумлетний¹⁹ крепыш со смуглым лицом и чёрными, прямыми волосами, только что закончил училище. Офицерский патент обошёлся родителям Филугхейна в значительную, по их меркам, сумму – чтобы обеспечить взятый в банке кредит, даже пришлось заложить наследственный дом.

Скованный не только воинским долгом, опирающимся на в значительной мере утратившее своё значение понятие чести, но и финансовыми обязательствами, Филугхейн был настроен сражаться до последнего патрона, а если таковые закончатся – то и до последнего солдата. Его подчинённые, все как один – «крепкие мерзавцы», способные отличить лишь серебряный шиллинг от свинцовой пули (здесь цитируются требования к рекрутам, согласно уставу), чувствовали готовность выполнить такой приказ. Воспитанные в казарме при помощи палок сержантов, они представляли собой практически совершенный продукт айлестерской военной машины – их отличала дисциплинированность, а в случаях, когда они получали джин – и отвага, не считая отработанных до автоматизма навыков ведения прицельного огня и штыкового боя. Качества эти, признак профессиональных солдат первых дней войны, впоследствии встречались всё реже и реже, пока не исчезло само Королевство Айлестер и его подданные.

Расположившись бивуаком, солдаты 1-й роты потратили остававшееся у них ещё перед закатом время на то, чтобы принять горячую пищу, подогнать натирающие лямки слишком жёстких кожаных ранцев и заштопать униформу. Последняя, скроенная для упражнений на плацу, и смотревшаяся, будучи старательно отутюженной, весьма прилично, имела малопривычное свойство расходиться по швам в результате чрезмерных физических усилий. В результате, каждый марш или занятия на открытой местности приводили к появлению разнообразных прорех и разрывов.

В минуты, предшествовавшие атаке, лейтенант Филугхейн лично проверил все посты и, не обнаружив ни одного спящего, пребывал в палатке, отведённой под штаб. Его мундир, сшитый на заказ из добротного сукна, не нуждался в иголке и нитке, поэтому лейтенант имел возможность всецело сосредоточиться на кружке с ароматным, дымящимся кофе, приправлен-

¹⁸ 6 по 144, 864.

¹⁹ Двадцатиоднолетний.

ным скромной порцией джина. Обернув кружку белым полотенцем, он, подув на раскалённую жидкость, стал осторожно прихлёбывать её мелкими глотками.

Когда со стороны аномалии послышался подозрительный шум, лейтенант Филугхейн, мрачно кивнув чему-то, отметил время: три минуты пополудни. Его служебные обязанности не требовали реагировать на каждый шорох, поэтому лейтенант, уже почти уверенный в том, что нечто неодолимое, которого он втайне опасался, началось, продолжал пить кофе, игнорируя нарастающий гам.

Только когда раздался первый выстрел, Филугхейн, зловеще улыбнувшись, поставил кружку на походный столик. Расстегнув кобуру из коричневой кожи, он достал свой шестизарядный револьвер, проверил, заряжен ли тот – и вышел наружу, попутно одевая стальной шлем.

Треск следовавших один за другим винтовочных выстрелов поначалу оглушил его. Зная, что в таких обстоятельствах лучше приоткрыть рот, дабы звуковая волна не разорвала барабанные перепонки, Филугхейн тут же начал громко отдавать приказы.

Силуэты нападавших, освещённые со спины лучами ДПФ, ясно очерчивались на тускло-красном фоне; лица их скрадывал сумрак, но Филугхейн был готов поклясться, что противник не имеет ничего общего с родом человеческим. Слишком уж выпирали из вытянутой в длину необыкновенной формы головы короткие рога, слишком далеко вперёд выдавался нос, более напоминавший остро заточенный птичий клюв, и слишком ярко пылали бледным огнём огромные, ужасающе бездумные глаза.

Ростом достигая октофута²⁰, рогатые существа не носили какой-либо одежды или доспехов; в качестве оружия они использовали лишь то, что даровала им природа – кинжалоподобный клюв, клыки, которым позавидовал бы и лев, и длинные когти. Между собой они общались при помощи странных клекочущих звуков. Невероятная живучесть, объединённая с презрением к собственной жизни, делала этих существ грозными противниками – то один, то другой из солдат падал, пронзённый кривым, как ятаган, клювом, или же на его шее смыкался смертельный укус острых клыков.

Разрядив в одну из тварей весь барабан, причём без видимого результата, Филугхейн позвал сержанта Дарби.

– Дарби, немедленно изготовьте к огню пулемёт. – Как только сержант исчез, Филугхейн обратил своё внимание на ближайших врагов. – Массируйте огонь всем отделением! Они не могут быть неуязвимыми!

Один из сержантов, Эгберт, всегда отличавшийся отменной выдержкой и быстродействием, тут же скомандовал:

– Залпами! Поочередно – нечётные!.. Огонь! Чётные!..

Объединённая мощь половины отделения, шесть винтовочных пуль, разогнанных до скорости более полутора grossфута²¹ в секунду, способна была остановить шерстистого носорога, обитающего в саваннах Ифрикии²². Даже исторгнутые, казалось, из ада рогатые клювастые твари оказались неспособными противостоять губительному воздействию залпового огня. Освещённые мощной вспышкой баллистита²³, они замирали, демонстрируя отвратительные, грязно-оранжевого цвета безволосые тела, которые медленно, словно подрубленные деревья, оседали наземь под повторными залпами армейских винтовок. Из ран текла испускавшая слабую флуоресценцию густая, лимонного цвета жидкость.

²⁰ Октофут – 8 футов, около 2,4 м.

²¹ Гросс (кэлт.) – 12 по 144, 1728. Полтора grossфута – около 800 м.

²² Ифрикия – континент, расположенный к югу от Европы.

²³ Баллитит – название сорта бездымного пороха.

Принесли станковый пулемёт. Заправленный лентой в два масса²⁴ патронов, он вёл огонь в темпе около куадромасса²⁵выстрелов в минуту и представлял собой смертоносное оружие. Пулемётчики любили, отправившись на полигон, баловать начальство зрелищем спиленных при помощи пулемётных очередей деревьев. Сейчас им представилась счастливая возможность открыть огонь по настоящему противнику.

Филугхейн, став рядом с расчётом, корректировал стрельбу. Убийственное воздействие пулемёта не замедлило сказаться: один за другим клювастые демоны падали, срезанные ливнем пуль. Неспособные, то ли в силу крайней глупости, то ли по причине бесстрашия, отступить, они гибли.

Лейтенант удовлетворённо улыбался; в огненных отсветах длинных пулемётных очередей по его мокрому от пота лица скользили тени. Меняя форму и направление каждую долю секунды, они раз за разом придавали облику Филугхейна новое выражение и даже черты: он то кривился, ухмыляясь, то приобретал некую величавость, то, наоборот, выглядел печальным, скорее, напоминая гротескное подобие человека.

Победа была предreshена. Филугхейн, ликуя, осмотрел своих подчинённых – и окаменел. Лицо его свело судорогой. Утратив дар речи, он рукой – голосовые связки не слушались – указал на демонов, стремительно приближавшихся с тыла. Они, должно быть, прорвали оцепление с противоположной стороны и растворились во мраке, чтобы обойти солдат, увлечённых азартной пальбой. Только сейчас стало понятно, что фронтальная атака являлась просто отвлекающим манёвром, призванным ценой жизни немногих тварей купить победу.

Несмотря на отчаяние, лейтенант Филугхейн почувствовал невольное уважение к противнику. Хотя поражение казалось неминуемым, он попытался спасти ситуацию.

– Развернуть пулемёт... Круг-гом... – Но было уже поздно. Демоны ворвались в плотно сомкнутый, как на параде, строй и набросились на солдат, разрывая их на куски. Их клювы наносили внушающие непреодолимый страх раны – сержанта Дарби, мужественно ставшего на пути одного из оранжевых дьяволов, разрубило едва ли не надвое.

Филугхейн побелел; он поднял револьвер и навёл на приближающегося врага. Прицелившись точно между горящих глаз, он выстрелил.

Осечка! Молниеносно взведя курок, он опять нажал на спусковой крючок. Снова осечка! Уже оказавшись в гибельных объятиях вызывающего непередаваемый ужас обитателя преисподней, Филугхейн вспомнил, что в пылу боя попросту забыл перезарядить оружие. Однако запоздалое осознание этого грубейшего просчёта уже не имело ни малейшего значения – жизнь навсегда покинула его.

Глава

VII

Капитан Глайнис был грамотным, хорошо обученным офицером. Отсутствие боевого опыта, порой становившееся источником некоего душевного беспокойства, он старался компенсировать безупречным отношением к службе, выразившимся в безукоризненном следовании уставу. Не ограничиваясь контролем за поддержанием чистоты в казарме и за глянцем на обуви подчинённых, он периодически открывал учебники по тактике. Причём Глайнис не просто интересовался их содержанием, но даже пытался обучить своих подчинённых правилам ведения боя.

Осознавая, однако, реалии мирного времени и не желая прослыть среди товарищей из офицерского клуба занудой, он не слишком усердствовал. В конечном итоге, капитан и сам не знал, что именно послужило причиной регулярно проводимых им занятий в поле, вызывавших в полку разного рода намёки и кривотолки: боязнь спиться оттого, что в жизни нет цели, или же

²⁴ 2 по 144, 288.

²⁵ 4 по 144, 576.

ещё не растаявшие окончательно детские мечты о развевающихся на ветру боевых знамёнах. Наверное, и то, и другое сыграло свою коварную роль.

Важным моментом выступало его отношение к войне: та, несмотря ни на что, всегда могла случиться, как бы ни уверяли дипломаты общественность в прочности мира. «Чудесная атмосфера в международных отношениях» была подобна туману, который, развеявшись, всегда может обнажить неприятную правду в виде изготовившихся к бою орудий.

Как знал Глайнис ещё из школьного курса истории, войны начинаются неожиданно, едва ли не в результате пустячной ссоры между монархами, однако длятся долгие годы – и победа достаётся тому, кто готов к войне лучше. В военное время некоторые офицеры очень быстро растут в званиях, особенно если они различают понятия «тылового охранения» и «тылового обеспечения».

Однако каждый раз, когда капитан засиживался над учебниками допоздна, здравый смысл напоминал ему: всё впустую, за те два с половиной дуазлетия, на которые он заключил контракт, очередной большой войны не произойдёт. Спорные юго-восточные земли на материке, в былые времена являвшиеся причиной вооружённого противостояния с Нейстрией, давно обрели независимость – так возникла Конфедерация Ллаваллона, – да и самая причина территориального спора исчезла – мануфактуры, которыми славились ллаваллонцы, давно разорились, не выдержав конкуренции с концернами Айлестера и Нейстрии. Бесплодный кусок земли, зажатый между Доггерландским заливом и устьем Шельды, уже не представлял собой интереса для двух династий, масслетиями существовавшими в условиях обоюдной ненависти.

Тем не менее, Глайнис, несмотря на чисто офицерскую любовь к игре в карты и в конное поло, всё-таки выполнял раз и навсегда данное себе обязательство: часть служебного времени посвящать военному ремеслу. По этой, пусть и необычной и редко встречающейся среди военных Айлестера, причине, рота Глайниса считалась вполне боеспособной.

Когда стало известно о том, что большая часть роты под командованием лейтенанта Филугхейна вступила в бой с неизвестным противником, храбрый капитан не проигнорировал это событие, как позволили бы себе некоторые из его праздных и обленившихся сослуживцев. Такие люди, для которых мундир является не более чем достойной происхождения одеждой, позволяющей к тому же сохранять фамильные привилегии, есть в каждом полку, и 36-й, несмотря на свою удалённость от мест, где процветают подобные – да вообще хоть какие-то – нравы, не представлял собой исключения.

Продемонстрировать своё пренебрежение к воинскому долгу и малодушно уклониться от активных действий – такое решение приняло бы не менее половины ротных и батальонных командиров полка. Однако Глайнис отличался моральными качествами, позволяющими говорить о нём как о компетентном и ответственном офицере. Он немедленно отправил к Филугхейну ординарца, а сам, собрав наличные у него силы в кулак, разместился в здании вокзала и, на всякий случай, стал готовиться к обороне.

Контроль над средствами связи и сохранение контакта с железнодорожной колеей оставались главными задачами оборонительного боя, если таковой придётся принять. Других ценных в военном отношении объектов в Дуннорэ-понт не существовало. Даже гражданские лица, пусть это звучит странно, лучше защищены, когда воинская часть прикрывает путь к отступлению из города – к сожалению, не единственный, – а не пытается принять бой на городских улицах.

Защищая всё, быстрее всего придёшь к пониманию, что так не удастся защитить ничего. Капитан Глайнис достаточно здраво полагал, что для подобного, слишком опрометчивого, решения у него недостаточно штыков, а посему ограничился тем, что послал одного сержанта и двух рядовых с самым ясным приказом: вытащить градоначальника из постели и поставить его в известность о происходящем.

Глайнис, нетерпеливо куривший на пустом перроне, дождался, пока затихнет стрельба, и начал всматриваться в темноту. Как он ни напрягал зрение, но условленного сигнала ракетами, должного сообщить об исходе боя, не было. С каждой минутой в душе его нарастало волнение, связанное с очевидной, хотя и совершенно необъяснимой гибелью лейтенанта Филугхейна и двух взводов из трёх, вероятно, в полном составе.

Глайнис вскрикнул, когда его сигарета без фильтра сгорела почти полностью и обожгла губы. Он признал, по крайней мере, перед самим собой, что ждать больше нет смысла – и послал телеграмму в штаб округа. Решив не ограничиваться этим, капитан усадил одного, показавшегося ему достаточно сообразительным, рядового за телефон, и приказал обзвонить нескольких офицеров, с которыми поддерживал приятельские отношения.

Впоследствии капитана Глайниса неоднократно упрекали в нерешительности и даже в трусости, и штабу дивизионного округа пришлось назначить по этому поводу расследование. На офицера, которого отправили едва ли не на загородную прогулку, неожиданно превратившуюся в ожесточённое сражение с демоническим противником, обрушилась вся тяжесть негодования просвещённых кругов общества – вернее, всех, кто мнил себя таковыми, начиная с академиков и политических деятелей по праву рождения и заканчивая необразованными пролетариями и безработными.

Читая газеты тех дней – а их обрывки потом ещё долгое время носило по улицам обезлюдевших городов – или слушая записи радиопередач, можно заподозрить, что Глайнис представлял собой невообразимое воплощение всевозможных пороков и что он и являлся тем Вселенским Злом, о котором проповедники столь вдохновенно говорят с церковных амвонов, в то время как ДПФ лишь играл роль отражения его злобной души.

Такова человеческая природа: всегда ищут «козла отпущения», желая обвинить в собственных просчётах и недостатках. Те, кто изобличал Глайниса, являлись штатскими, совершенно несведущими в военном деле людьми, к тому же сами они бежали из города, едва прослышав об опасности.

Тем не менее, общественное мнение, требовавшее распять «виновного», проявило редкое единодушие – шутка сказать, капитан бросил город на растерзание врагу, а сам укрылся в здании вокзала на самой окраине! Действительно, после всего, что случилось в ту трагическую ночь на улицах Дуннорэ-понт, легче всего обвинить Одхана Глайниса в каком-то проступке, небрежении или отсутствии смелости. Однако было бы неплохо ознакомиться с мнением самого капитана по этому поводу, как и с мнением допрашивавших его офицеров. К счастью, звукозапись допроса сохранилась, и, благодаря самоотверженным трудам неизвестных переписчиков, перенесена на бумагу, так что автор этих строк имеет счастье передать её содержание потомкам.

«ВОПРОС: Капитан Глайнис, почему вы оставили город с населением около гросса жителей и спрятались в здании вокзала?

ОТВЕТ: Я не вышел за городскую черту – и к тому же сообщил местным властям об опасности.

ВОПРОС: Но вы не пытались защитить штатских. Почему?

ОТВЕТ: Это было невозможно. Я полагал, что два взвода из трёх уже разгромлены, даже уничтожены, а значит, противник гораздо сильнее меня. Как я мог защитить целый город?

ВОПРОС. Ну, я всего лишь следователь, этот вопрос не ко мне... [ПАУЗА, ПЕРЕШЁПТЫВАНИЯ]. Однако мне говорят, что вы могли бы собрать жителей в нескольких крупных зданиях на главной площади и организовать их оборону. Что вы на это скажете?

ОТВЕТ. Я, конечно же, рассмотрел этот вариант – и отбросил его по нескольким причинам [УВЕРЕННО, БЕЗ ЗАПИНКИ]. Во-первых, мои силы были недостаточны – и гибель более крупного отряда лейтенанта Филугхейна это подтверждала, – во-вторых, я просто не имел времени.

ВОПРОС. Вы страдали от дефицита времени? [С ИЗДЁВКОЙ]. Свидетельства ваших подчинённых позволяют говорить о том, что в вашем распоряжении имелось по меньшей мере полчаса.

ОТВЕТ. Полчаса – это очень много [С ИРОНИЕЙ]. За это время можно выкурить несколько сигарет и выпить чашку кофе. Но разбудить всех горожан, не говоря уже о том, чтобы добиться от них выполнения каких-либо приказов, за такое время нереально. К тому же, центр города вскоре превратился в настоящую западню – демоны сновали повсюду и могли внезапно атаковать из-за любого угла. Вырваться из такого капкана нам было бы уже не по силам.

ВОПРОС. А вы и ваши подчинённые не оказались в такой западне, оставшись на вокзале?

ОТВЕТ. Мы – военные, рисковать своей жизнью – наш долг. Кроме того, в здании вокзала можно сосредоточить большее количество винтовок на погонный фут. Это настоящий блокгауз.

ВОПРОС. И находиться как можно дальше от места главных событий? Очень удобная для вас формулировка, капитан. Вас послушать, вы – герой.

ОТВЕТ [РАЗДРАЖЁННО]. Я не говорю, что я герой. Я говорю, что действовал по уставу.

ВОПРОС [С НОТКАМИ ЛИКОВАНИЯ]. Я бы сказал, что вы – лжец! Да, именно так следует назвать вас после этих слов! Ни в одном уставе нет фразы, требующей бросить беззащитный город на произвол судьбы.

ОТВЕТ. Во всех уставах есть. Вы просто с ними не знакомы. Учебник тактики, глава «Пехотные подразделения в обороне», военно-полевой устав, раздел 4, статья 25. Суть указанных мною правил проста: при недостаточности огня обороняющийся должен его уплотнить путём занятия участка, меньшего по фронту.

ВОПРОС [ПОСЛЕ ПАУЗЫ, ЗАПОЛНЕННОЙ ПЕРЕШЁПТЫВАНИЯМИ. ГНЕВНО]. Капитан, это не вполне тот ответ, который мы хотим услышать. Вы могли бы занять другую позицию, на пути атакующего противника, а не в стороне.

ОТВЕТ. Согласен с вами. Но я не спас бы таким шагом жителей, скорее, наоборот, привлёк бы колеблющихся к центру города, в мнимо безопасное место, где бы их всё равно убили – после того, как противник расправится с нами. А так они изначально знали, что спасутся только бегством – и многим это удалось.

ВОПРОС. Замечательная логика, капитан! Предоставив штатских – включая женщин стариков и детей – воле Провидения, вернее, противника, чьё нечеловеческое происхождение и не находящая аналогов жестокость уже тогда были вам известны, вы тем самым их якобы спасли! [НЕ СКРЫВАЯ НЕГОДОВАНИЯ]. А теперь ещё один вопрос: вы *пытались* организовать эвакуацию?

ОТВЕТ [РЕШИТЕЛЬНО]. Нет. У меня не было на то ни времени, ни людей. Я сообщил градоначальнику – и потребовал от него быстрых и своевременных решений.

ВОПРОС. И приказали одному из сержантов «всячески подгонять» градоначальника Финлея?

ОТВЕТ. Да, приказал. Это Финлей потребовал трибунала?

ВОПРОС. И он тоже. Капитан, почему вы выбрали вокзал?

ОТВЕТ. Вокзал – это железная дорога. Я сохранял её за собой.

ВОПРОС. А грунтовые?

ОТВЕТ. Их значение гораздо ниже. Когда я оказался перед столь сложным выбором, то отдал предпочтение вокзалу.

ВОПРОС. Я бы не назвал ваш выбор ни изошрённым, ни безупречным, капитан. Вы просто отступили.

ОТВЕТ. Да, я просто отступил. [НЕДОВОЛЬНЫМ ТОНОМ]. Вам гораздо легче задавать вопросы, чем мне – отвечать на них.

ВОПРОС. Вы потеряли почти всю роту, погибла значительная часть жителей города – и снова по вашей, а не по моей вине. Кто-то должен задать вам вопросы.

ОТВЕТ. Не исключено. Однако лампа светит мне прямо в глаза. Едва ли это объясняется только любопытством.

ВОПРОС [ГРОМКО, СРЫВАЮЩИМСЯ ГОЛОСОМ]. Это потому, что вы подозреваетесь в тягчайшем служебном преступлении, и свет должен слепить вас и осуществлять давление на вашу психику, чтобы вам было труднее солгать.

ОТВЕТ. Да, яркий свет сыграл особую роль в этой истории...

ВОПРОС [С ИЗРЯДНОЙ ДОЛЕЙ НАСМЕШКИ]. Не пытайтесь сменить тему разговора, капитан! В Дуннорэ-понт ведут четыре грунтовых дороги, из которых одна – к ферме, где находится ДПФ, одна шоссе и одна железная. До начала вооружённого столкновения у вас было время – более чем достаточно времени, – чтобы расставить на нескольких перекрёстках солдат, которые направляли бы гражданских по этим дорогам. Вы этого не сделали.

ОТВЕТ [УДИВЛЁННО, С ВИНОВАТЫМИ НОТКАМИ]. Я не хотел отпускать солдат в такой темноте – те бы наверняка затерялись среди толпы. Да и местные лучше знают свой город, им абсолютно не нужны подобные инструкции. Новость о нападении со стороны ДПФ распространилась быстрее, чем огонь по бензиновой луже.

ВОПРОС [САМОДОВОЛЬНЫМ ТОНОМ]. Не оправдывайтесь, капитан, будьте мужчиной. Вы нарушили устав – как по форме, не осуществляя непосредственного руководства эвакуацией, так и по сути, не прикрывая её от наступления противника. Я буду настаивать на вынесении обвинительного приговора – по законам военного времени.

ОТВЕТ [ДРОГНУВШИМ ГОЛОСОМ]. Меня расстреляют?

ВОПРОС [СУРОВО]. Крепитесь, капитан. Вас посетит исповедник; также вам предоставят право «последнего ужина» с блюдами по вашему выбору. Если в меню столовой не окажется вашей излюбленной пищи, вам разрешат заказать её в ресторане за собственный счёт.

ОТВЕТ [НЕУВЕРЕННО]. У меня как-то пропал аппетит».

Глава

VIII

За пять дней и двенадцать часов, не считая нескольких минут, до того, как капитан Глайнис предстал перед судом военного трибунала, Дитнол Норс, свежее испечённый капрал армии Его Величества, пытался спасти родной городок от неминуемой гибели. Это не составило ему ни малейшего труда: стоило лишь пройти на первый этаж ратуши, в комнату, расположенную почти точно под редакцией «Городских новостей», и, подняв с кровати заспанного сторожа, потребовать от того поднять тревогу. Едва протерев глаза, сторож долгое время не мог сфокусировать на Норсе свой отсутствующий взгляд. Пальцы его машинально искали пуговицы расстёгнутого на груди форменного сюртука, а губы, бормоча слова извинения, раз за разом изрекали слова отрицания.

– Нет, господин Норс, нет, никак нельзя, господин редактор. Сошли вы с ума или нет – это не мне решать, но вы никогда не были армейским капралом и, наверное, не являетесь им и сейчас. Насчёт ревуна нашего скажу только, что он в полнейшем порядке, совершенно исправен, только вас это не касается, потому как без разрешения господина Финлея я его трогать не позволю. Люди спят, господин Норс!

Усы сторожа гневно встопорщились, и сам он придвинулся к редактору вплотную – точь-в-точь как градоначальник. Однако Норс не позволил сбить себя с пути истинного. Выхватив из кармана контракт, он ткнул его под нос сторожу.

– Читай: я уже два часа как капрал. И тебя скоро отомобилизуют, если доживёшь, конечно, а не ляжешь сейчас спать. – Норс тряс бумажкой за подписью Глайниса так, словно это – заряженный револьвер. – Уже началась война, война с фоморами – всё как в Священном Писании!

Сторож дрогнул. Что-то испугало его – вероятно, он вспомнил древние легенды, к тому же солдаты не могли прибыть в город просто так, без какой-либо на то причины. Недоверчиво осмотрев контракт Норса, он, поколебавшись, кивнул и, подойдя к ревуну, начал, как говорил один поэт, «бить в смертный набат».

Вой сирены, поначалу неуверенный, а затем всё более громкий, наполнил улицы спящего города. С каждым поворотом звук, достигая крещендо, разносился окрест, принуждая сонных жителей вскакивать с их постелей. Через несколько минут сторож, усталый и вспотевший, предложил Норсу подменить его. Тот взялся за деревянную ручку, влажную там, где её касалась рука сторожа, и, преодолевая сопротивление, стал вращать её. Поначалу это было нетрудно – всё равно что поднимать из колодца ведро с водой. Однако в этом случае колодец оказался бездонным – ручку приходилось крутить без остановки.

Норс и сторож трижды сменяли друг друга, прежде чем редактор сообразил, что вполне может предоставить право делать эту работу тому, кто получает за неё деньги. Сославшись на неотложную необходимость закончить важные дела, он пошёл к себе в редакцию.

Поднявшись по неосвещённым ступеням, Норс вошёл в тёмное помещение, встретившее его каким-то сиротливым одиночеством. Редакция словно предчувствовала, что её вот-вот бросят, и всем своим видом отчаянно пыталась напомнить о том, как Норс её любит и сколько надежд связывает – вернее, связывал ещё недавно – с изданием собственной газеты.

Он зажёл газовый рожок и в дрожащем голубом свете осмотрелся вокруг: на верстаке небрежно разбросаны разнообразные картонные и жестяные коробочки с наборными литерами, массивный деревянный стол, заваленный бумагами, включая три письма от кредиторов, оставшиеся без ответа, стулья, печатный станок – и, отдельно, особая гордость Норса – собственный фотоаппарат.

Новейшее, по стандартам Дуннорэ-понт, изобретение, возвышалось на штативе в дальнем углу. Подержанный фотоаппарат достался редактору захолустного таблоида всего за одну золотую крону²⁶. Крона эта, по причине постоянной нехватки у лиц творческого склада счастливых денег, была одолжена у Финлея в обстоятельствах, до сих пор повергавших Норса в дрожь и тоску.

Ему пришлось зайти к градоначальнику домой и познакомиться со всеми его домочадцами: с кухаркой, с горничной, с вислоухим псом по кличке Тоб, – и с куда менее приятными персонами: престарелой мамашей Финлея, его супругой и двумя незамужними дочками. Последние, страдавшие таким же, как и у градоначальника, ожирением, отличались практически полным отсутствием манер и того, что принято называть умом. Эти качества заменяла им бесцеремонность, а также некое подобие глубокомысленного жеманства и выглядывавшая откуда-то из глубины крысиных глазок подлость, обычно именуемая ими «житейской смёткой, неотъемлемой семейной чертой». Старшую из «благородных девиц», двадцатитрехлетнюю Шавну, представили Норсу как «прелестную красавицу, руки которой он мог бы добиваться».

Несколько ошеломлённый таким известием, Норс, преодолевая сомнения и тошноту, всё же облобызал высокомерно протянутую ему «изящную ручку» – та будто сбежала из лавки мясника, из отдела с вывеской «Части свиной туши». Он пошёл на этот непростой шаг, так как перед его внутренним взором всё это время стоял великолепный «Домналл».

Фотоаппарат, счастливо приобретённый, действительно несколько раз использовался Норсом, как правило, в обстоятельствах, далеко не самых приятных – он делал посмертные фотографии, которые использовались для создания изображений покойных на могильных надгробиях. К сожалению, стоимость оборудования для производства литографических изобра-

²⁶ Айлестерская золотая крона, вес которой достигает четверти унции, содержит около 7 г чистого золота, и равна 24 айлестерским шиллингам (около 6 г чистого серебра), каждый из которых равен 12 пенсам.

жений со сделанных фото, которые наилучшим образом дополнили бы его статьи, превосходила готовность Норса идти на дальнейшее сближение с семейством Финлеев. Сближение это, которое в достаточно скором будущем привело бы к супружеской жизни, по своим тяготам и лишениям сопоставимой лишь с адскими муками, пугало Норса не меньше Страшного суда.

Альтернативным производству литографий вариантом казалось более глубокое сотрудничество с владельцем похоронного бюро, однако тот был вдов и не имел детей, а о его сексуальных пристрастиях ходили самые неправдоподобные и наводящие оторопь слухи. В конце концов, Норсу пришлось удовлетвориться надеждами на то, что со временем он заработает сумму, достаточную для развития дела и погашения задолженности.

Норсу захотелось выпить. К его разочарованию, желание ограничить себя в потреблении спиртного стало причиной, по которой в редакции не хранилось никаких запасов выпивки. Это было печально, так как именно в этот момент он бы с удовольствием хлебнул доброго виски, и любой доктор прописал бы ему те же лекарства. Норс, ухмыльнулся, вспомнив о докторе Вейре: тот, судя по всему, относился к алкоголикам со стажем, и сам с удовольствием составил бы ему компанию.

Недовольно подкрутив усы, Норс закурил и, уперев руки в бока, с досадой осмотрелся по сторонам. Прежде чем отправиться на вокзал, где засел капитан Глайнис со своими бравыми парнями, ему следовало определить, есть ли в помещении хоть что-нибудь, что может пригодиться в будущем, во время прохождения военной службы.

Кроме спичек и табака, которые он и без того всегда носил с собой, Норс ничего не мог придумать. Пожалуй, единственное исключение составлял «Домналл», но вольности вроде фотосъёмки на таких живописных объектах министерства обороны, как безликая кирпичная казарма, бетонный прямоугольный плац и пропитанная запахами овощей кухня, категорически запрещены. Исключительно по причине атмосферы строжайшей секретности.

Всё ещё пребывая в раздумьях, Норс неожиданно вздрогнул – ночную тьму пронзил душераздирающий вопль. Крик этот, свидетельствовавший о том, что человека, его исторгнувшего, вероятнее всего, постигла самая ужасная участь, какую только можно себе представить, раздавался снизу и мог принадлежать только сторожу.

Сирена умолкла, и в наступившей тишине послышались отвратительные чавкающие и хрустящие звуки. Если бы Норс мог всецело доверять своему слуху, он бы побился об заклад, что сторожа, чьё имя он, как на грех, забыл, в это самое время пожирало некое хищное и смертельно опасное существо. Насколько он мог судить по периодически раздававшимся слабым стонам, жертву обгладывали заживо.

На какое-то мгновение Норсом овладела странная, до невозможности глупая идея, источником которой, несомненно, являлась бумажка за подписью Глайниса, словно пытавшаяся прожечь внутренний карман сюртука, – желание спуститься вниз и отважно, как подобает капралу пехоты ЕКВ, сразиться с неведомым чудовищем. Тем не менее, остатки здравого смысла принудили Норса, наоборот, замереть и, двигаясь как можно тише, приблизиться к газовому рожку и отключить его.

Он спрятался под столом, как то неоднократно делал в детстве, пытаясь избежать встречи с нежелательными посетителями. Чавканье и стук об пол, доносившиеся с первого этажа, где проходила дьявольская трапеза, становились всё громче. Походило на то, что к первой твари присоединилась ещё одна, а может, и больше.

Сколько так длилось, Норс ни за что не смог бы сказать, так как его совершенно парализовал страх, и он не мог найти в себе силы даже посмотреть на часы. Наконец, внизу всё стихло, и топот шагов, со всей очевидностью, не принадлежащих человеку, вернее, людям, так как речь шла о нескольких существах, возвестил о том, что самое страшное позади.

Словно движимый неведомой силой, Норс, даже не веря в то, что совершает настолько отчаянный поступок, встал и, пройдя к окну на негнущихся ногах, посмотрел на происходя-

щее внизу, на тускло освещённой немногими газовыми фонарями улице. Увиденное потрясло его: немыслимые, словно вышедшие из кошмарного сна рогатые твари с длинными носами-клювами разбегались в стороны, вероятно, в поисках новых жертв. Норс подумал, что если ему сейчас удастся сделать чёткую фотографию, то он, быть может, прославится на весь мир. Однако с такого расстояния, даже со вспышкой, не приходилось надеяться на качественный снимок, к тому же его смерть стала бы неизбежным следствием столь отчаянного поступка, ведь Норс, несомненно, выдал бы своё местонахождение.

Осторожно приоткрыв окно, в которое тут же ворвались крики, раздающиеся то на одной соседней улице, то на другой, Норс бессильно сполз по стене и, спрятав огонёк сигареты от возможных наблюдателей, закурил. Теперь он мог немного расслабиться и подумать. Первое, что пришло Норсу в голову – это мысль о необходимости определить точное время; так всегда поступали герои кинофильмов и детективов, к которым он имел несчастье пристраститься ещё в школе.

Пошарив в потёмках, он извлёк из жилетного кармана часы и подсветил себе сигаретой. Было начало второго часа, и зрелище привычных цифр, по которым неторопливо двигалась волосинка секундной стрелки, почему-то успокоило Норса. Заворожённый, он так и сидел, сжимая в одной руке сигарету, а в другой – хронометр, покрытый холодным потом и не способный думать ни о чём, кроме этих двух вещей, цепляясь за них, как за якорь. Он действительно тонул, буквально шёл на дно в глубочайшую бездну чёрного неведения и ужасающего его самого непонимания сути происходящих событий. Мир, в котором жил Дитнол Норс все предыдущие дуодуазерц²⁷ лет своей жизни, рушился прямо на глазах.

Внезапно послышались шаги. Кто-то, крадучись, поднимался вверх по ступеням. Нервы Норса сжались в тугой комок. Он спрятался под стол и, раздавив сигарету о половицу, затаил дыхание.

– Господин Норс? – раздался мелодичный женский голос. – Господин Норс, вы здесь? Я видела вас в окне, но не уверена...

– Да, конечно, я здесь. – Норс встал и, отряхнувшись, продемонстрировал, что полностью владеет ситуацией. – У меня тут просто кое-что упало и закатилось под стол...

– Ох, надеюсь, это не ваше мужество, господин Норс. – Голос принадлежал вошедшей в помещение редакции стройной девушке, и, хотя тени скрывали её лицо, Норс сразу же узнал полуночную гостью. То была Гвенн Данлоп, молоденькая черноглазая брюнетка, один вид восхитительной белой кожи которой неизменно возбуждал в душе Норса самые пылкие чувства.

Гвенн обладала великолепной фигуркой, норовом дикой лани, совершенно не испорченным модным в женской среде феминизмом, и незаурядным умом. Её острый язычок был излюбленной темой для разговоров в среде дуннорэ-понтских кумушек, привыкших собираться за вечерней чашкой чая (по их провинциальным меркам, такие собрания выступали полноценной заменой посещению светских салонов). Впрочем, Гвенн не ходила на собрания кумушек, обзывая их «старыми девами» и «Армией Спасения». Она работала в книжной лавке, принадлежащей её отцу, а по воскресеньям посещала церковь. Гвенн около года училась в одном из колледжей на юге, однако потом вернулась домой. Точная причина такого поворота в судьбе девушки была неизвестна Норсу, однако, вероятнее всего, всё объяснялось нехваткой финансовых средств, которые у старого Данлопа, если верить сплетням, совершенно истощились. В этом отношении семейство Данлопов и Норс имели много общего: о таких людях говорят, что они знают больше названий звёзд на небе, чем у них в кармане пенсов.

Гвенн приблизилась к Норсу так, что он ощутил аромат её духов. Ему безумно захотелось сжать её в объятиях; сердце газетчика учащённо забилося... и он отступил на два шага.

²⁷ 27.

– Почему вы пришли сюда, Гвенн? – Этот вопрос, заданный ломающимся, как у мальчишки, голосом, выдал его с головой.

Девушка тихо рассмеялась – и Норс почувствовал, что тает. Ему захотелось обнять её.

– Отец бежал сразу же... и мы разминулись в толпе. А потом я решила заглянуть в ратушу, откуда и гудела сирена, и всё разузнать, а возможно, и найти достаточно приличного мужчину, который провёл бы меня в безопасное место.

Норсу всё стало ясно, и он, повинувшись порыву, вновь приблизился к ней.

– Вы хотели найти здесь градоначальника Финлея, – презрительно-обвиняющим голосом заявил он. Это был рассчитанный ход: если бы он напрямик заявил девушке, что та, рискуя своей жизнью, заявила сюда исключительно ради него и стояла в подъезде напротив, пока не убедилась, что Норс у себя, а потом прошла наверх мимо окровавленных останков сторожа – Гвенн, несомненно, начала бы всё отрицать. Такова женская природа: отрицать свои чувства, возбуждая их тем самым в мужчине.

– Нет, что вы, господин Норс. Я хотела увидеть вас... – Её губы произнесли именно те слова, которые он мечтал услышать уже долгое время. Норс хотел всего лишь взять её за руки, но как-то так получилось, что Гвенн вдруг прижалась к нему всем телом – горячим, трепещущим от волнения.

– Я так боялась, Дитнол. – Она впервые назвала его по имени, а не «господином Норсом», и он, окрылённый этим, поцеловал её. Их поцелуй был долгим, страстным, похожим на укус – как у диких животных, которые боятся, что их настигнут охотники. Наконец, они ненадолго отстранились друг от друга, и Гвенн снова заговорила.

– Они убили Стейна, правда? – Её голос выдавал испуг, губы дрожали. Напряжение, до этого тщательно скрываемое под маской ироничной самоуверенности, наконец, вырвалось наружу – ведь теперь рядом с ней находился мужчина, который должен взять на себя заботу о её безопасности, и нужда в подобной игре отпала. Норс, услышав это имя, вспомнил, что сторожа, мир праху его, и впрямь звали Стейном.

– Да, он действительно... погиб. – Он не хотел говорить на эту тему, тем более, что рядом с ним стояла девушка, до смерти напуганная и мечтающая только об одном: чтобы он защитил её. Разве Норс мог поведать ей правду, сказать, что прятался под столом, пока клювы безжалостных демонов кромсали тело Стейна?

– Сейчас мы вместе... – Его руки скользили вдоль тонкой, сулящей наслаждение, талии, губы осыпали лицо и шею Гвенн жаркими поцелуями, и она, сперва неуверенно, а потом всё энергичней отвечала на эти ласки. Всё закончилось в одно мгновение – словно оборвали невидимую струну. Судя по тому, как Гвенн судорожно вцепилась в его плечо, Норс понял, что девушка увидела в окне нечто, потрясшее её.

Уже зная, что именно предстанет его взору, он медленно обернулся.

Прямо посреди улицы, ярко освещённый лунным светом, стоял рогатый демон. Замедив в неестественной позе, он напоминал своим внешним видом статую, созданную безумным скульптором. Его клюв нелепо задрался вверх, в направлении Луны, а из горла вырывалось беспорядочное, вызывающее жалость и страх одновременно, клочкотание, к которому примешивались скрежещущие, визгливые звуки – словно ножом скребли по металлической поверхности.

Впоследствии возникло и долгое время бытовало мнение, практически легенда, будто клювастые твари некогда умели летать, и, завидев в лунном свете летящую птицу, обязательно мучаются неземной тоской по навеки утраченным крыльям. Только Норс почему-то был уверен, что это неправда. Ему сразу же показалось – и он никогда не отступал от этого впечатления, – что демоны не выносят никакого света, кроме потустороннего алого излучения ДПФ.

Если бы Норс участвовал в бою на заброшенной ферме и каким-то чудом выжил, то он подметил бы ещё одну деталь: окраска демона сменилась, из буро-оранжевой превратившись

в землистую, прорезанную многочисленными линиями, издалека напоминающими трещины. Впрочем, ему было не до наблюдений: едва завидев рогатого дьявола, Норс нырнул на пол, увлекая за собой Гвенн. Там, избегая слишком громких вздохов и стонов, способных привлечь чужое внимание, они нашли в объятиях друг друга то, о чём мечтали.

Трудно винить человека, насильно произведённого в капралы, за то, что он, не имея никакого оружия, не вступил в бой с противником, равно как и девушку – за то, что в наиболее страшный в её жизни час она предпочла общество возлюбленного любому иному. Надеюсь, читатели простят меня за то, что я опушу непроницаемый полог тайны на события последующих часов.

Утром, в лучах едва забрезжившего рассвета, Норс, не зная, можно ли безбоязненно закурить, краем глаза выглянул поверх подоконника. На месте, где ночью стоял демон, виднелись лишь беспорядочно разбросанные обломки, напоминающие едва обожжённую глину – или даже более того, содержимое нужника.

Не рискнув выходить на улицу, Норс и Гвенн, провели предполуденные часы в любовных утехх – последние часы в жизни мира, как им казалось, – пока их не прервали. Голоса, принадлежащие, несомненно, людям, притом сплошь мужчинам со скверным характером, ворвались в их уютный маленький рай. Беспрепятственно проникнув сквозь приоткрытое окно, они вызывали едва ли не большее отвращение, нежели бурые демоны.

– И этот тоже развалился, капитан! Сплошная глина, а вместо крови – песок! – Говоривший добавил характерное ругательство, выдававшее в нём уроженца одного из портовых городов на западном побережье. – А запах...

– Да, я сам это вижу. – Брезгливые интонации, подкреплённые ударами стека по голенищу, были отлично знакомы Дитнолу Норсу. Доблестная армия в лице капитана Глайниса, которому ещё только предстояло попасть под трибунал, вернулась в город.

Часть

II

. Мобилизация

Глава

IX

– Как твоя фамилия, говоришь? – Полковой писарь, носивший знаки различия сержанта, был моложе Норса лет на пять. Его лицо, обсыпанное прыщами, носило украшение в виде двух оттопыренных ушей, что, учитывая тщедушное телосложение, производило весьма комичное впечатление.

– Дитнол Норс. Моя фамилия Норс. – Газетчик едва скрывал улыбку, обращаясь к «старшему по званию»; он уже сообщил Гвенн, что по ужасному капризу судьбы стал военным и что исправит это недоразумение как можно быстрее. Они договорились пожениться через месяц, даже если господин Данлоп по какой-то причине окажется против. Несомненно, воинское звание Норса, полученное в весьма неоднозначных обстоятельствах, являлось серьёзной преградой на пути к семейному счастью. Впрочем, служба в пехоте – это та же работа, и уволиться с неё столь же просто, как и наняться.

Гвенн, однако, страшно разволновалась по данному поводу и, предоставив своему возлюбленному улаживать формальности, исчезла, сообщив, что ей нужно узнать, как поживает отец и прочие родственники.

Редактор «Городских новостей» чувствовал себя великолепно, словно солнце, уничтожившее клювастых существ, светило исключительно ему, и только улыбался, глядя на задирающего нос сержанта. Нос у того, кстати, имел презабавную форму: та походила на картофелину, пытающуюся пустить ростки. Лицо же, нездорового цвета, наводило на мысли о плохо вымытой тарелке, посыпанной перцем – веснушками. Норс решил называть его про себя Сержантом Гнилой Гарнир.

– Я сказал что-то смешное? Или у тебя настолько дурацкая фамилия, что ты скалишься, услышав её даже из собственных уст? – Сержант придал своему голосу максимально низкие интонации, пытаясь говорить так, чтобы слова звучали глухо и угрожающе. Это ещё больше рассмешило Норса. Он накрыл свой контракт пятернёй и молча придвинул его к сержанту.

– Там всё написано. Капрал Норс. Я хочу уволиться.

Видимо, тут он окончательно взбесил писаря. Вскочив, тот подозвал маявших под сенью соседнего дерева солдат.

– Следите за ним, чтобы никуда не сбежал! – задыхаясь от злости, выкрикнул он. Как только солдаты с винтовками наперевес приблизились, писарь, выпучив глаза, обратился к редактору. – Никуда ты не уволишься! И никакой ты, кстати, не капрал!

Услышав последнюю фразу, Норс решил, что лопоухий сержант просто перегрелся на солнце. Правда, тот носил фуражку, оттопыривавшую его и без того огромные уши, да и раскладной стол находился в тени высокого, ветвистого вяза – однако же странность в его поведении, как говорится, была налицо. Норс решил не спорить с сумасшедшим, а дожидаться, пока у того пройдёт приступ владеющей его сознанием душевной болезни.

Однако же дальнейшие разъяснения писаря, внесшие ясность в сложившуюся ситуацию, убедили Норса в том, как жестоко он ошибался. Для начала Сержант Гнилой Гарнир кивнул солдатам, указывая на редактора, полагавшего, что он – капрал.

– Ребята, держите его за руки, чтобы он тут ничего не натворил. – Несколько пар крепких рук немедленно вцепились в Норса, а в лицо ему ткнулся собственный контракт.

– Читать умеешь? – Голос писаря переполняли ненависть и сарказм. – *«Рекомендованное предварительно звание – капрал»*.

До Норса немедленно дошло, как коварно провёл его капитан Глайнис; он почувствовал, как на глаза наворачиваются слёзы. Его обманули, причём самым бессовестным образом...

– Ты – просто новобранец, Норс, кто бы и к какому званию тебя не рекомендовал. – В блёклых глазах, за которыми виднелись огромные уши, блеснуло осознание собственного триумфа. – Насчёт увольнения в запас: оно возможно только после минимального срока службы, который составляет пять лет, либо по болезни или ранению. Если ты попытаешься подделать справку о болезни или умышленно поранишь себя, мы отправим тебя в тюрьму. Хотел бы оказаться в одной камере с уголовниками, а, Норс?

От такой радужной перспективы редактору «Городских новостей» сделалось дурно.

– Однако не печалься, парень, – внезапно подобрел Сержант Гнилой Гарнир и снисходительно улыбнулся до самых ушей, благо с таким выдающимся размером последних это не составляло ни малейшего труда. – Значительное количество заявлений о досрочном завершении службы, в том числе и на следующий день после вербовки, удовлетворяется каждый год. Это я могу сказать с уверенностью, потому что работаю в полковой канцелярии.

От осознания собственной важности писарь надул щёки, отчего портрет его стал походить на разбухшую перезрелую дыню, однако цвет у неё оставался всё таким же белёсым, словно она выросла без доступа солнечного света.

– Такое случается каждый год, особенно с теми, кто на самом деле не нужен армии, ведь у нас всегда избыток добровольцев. – Тут Сержант Гнилой Гарнир нахмурился, будто вспомнив о чём-то, и его веснушчатое лицо приняло удручённое выражение. – Правда, должен разочаровать тебя: я уже видел циркуляр, в котором – признаюсь тебе по секрету – говорится, что все увольнения в запас приостановлены. Не исключено, что даже начнётся мобилизация.

Заговорщицкий тон сержанта, который для вящей убедительности прижал палец к губам, совершенно не понравился Норсу. Его, впрочем, не покидала уверенность, что писарь, подобно всем мелким чиновникам, просто злоупотребляет своим положением. Имея самую малую каплю власти, он пытается буквально утопить в ней того, кто стоит ниже по служебной лестнице.

В конце концов, Норс не услышал ничего нового по сравнению с тем, что уже сообщил ему накануне капитан Глайнис, разве что капральские нашивки, которых он так и не примерил, бесследно улетучились. Обессиленно кивнув, он обмяк в руках солдат; повинувшись нетерпеливому жесту писаря, те отвели его в сторону. Наконец, их хватка ослабла, и Норс имел возможность поправить свою, всё ещё штатскую, одежду.

– Ты только не дури, – сказал ему здоровенный детина с умбрийским акцентом. – Попробуешь сбежать – найдут и упекут за решётку. Могут и застрелить при задержании, такое тоже бывает.

Норс отнюдь не собирался бежать, однако ему вовсе не улыбалось начать службу рядовым, ещё и в военное время.

Словно читая его мысли, седовласый капрал, видимо, долгое время служивший в армии, поспешил сказать несколько утешительных слов.

– Не переживай, может, действительно произведут в капралы через месяц-другой – ты ведь, как-никак, из образованных? – Норс, который словно потерял дар речи, угрюмо кивнул в ответ. Седой тоже кивнул и обратился к остальным солдатам, усевшимся здесь же, прямо на раскиданных по травянистому склону холма ранцах. – Я слышал, что когда у вербовщиков недобор или нужно какого-то болтуна побыстрее заткнуть казённой ложкой, то они выписывают даже офицерские патенты. Им-то что? Подпоил, навешал лапши на уши и доставил в часть, а дальше – укатил, и след его простыл. А болван просыпается в казарме для нижних чинов и всё денщика зовёт, который ему, якобы лейтенанту такому-то, по званию положен.

Солдаты дружно захохотали в ответ, а Норс, нашедший в себе силы улыбнуться, всё думал о фразе «заткнуть казённой ложкой». Вот, значит, как королевская власть избавляется от «болтунов», способных со временем стать революционными агитаторами – их обманом привлекают в армию! В армии-то, насыщенной нечестными людьми, которым ещё вчера, как поделился Глайнис, угрожало тюремное заключение, агитировать некого. В такой компании легко расстаться с жизнью – в результате «несчастливого случая», например.

Норс почувствовал во рту горький привкус. Королевский герб, всегда вызывавший светлые и возвышенные чувства, словно подёрнулся тонким, отталкивающего вида налётом патины.

Впрочем, лопоухий писарь, может, и ошибся насчёт предстоящих Норсу долгих лет службы. Едва ли армии понадобятся его скромные услуги; может, прошение об увольнении в запас удовлетворят в ближайшие дни. Демоны, оказавшиеся беспомощными перед солнечным светом, сейчас никого не пугали. Наоборот, казалось, воинские подразделения, несколькими потоками хлынувшие в Дуннорэ-понт, вскоре разрешат проблему ДПФ.

С пригорка, на котором расположился Норс, отлично просматривалась шоссе-дорога, обсаженная тополями – по ней то и дело проезжали грузовики, заполненные пехотинцами. Многие вместо винтовок имели ручные пулемёты ап Манчина с барабанными магазинами, крепившимися сверху ствольной коробки. Толстый кожух водяного охлаждения ствола придавал им грозный и по-настоящему убийственный вид. Похоже, армия поторопилась отрядить в Дуннорэ-понт свои лучшие части.

Вокзал, расположенный гораздо ближе, буквально бурлил, напоминая зелёное море: там толпились многие сотни, возможно, даже тысячи людей в военной форме. С подъехавшего товарного состава выгружали полевую артиллерию, миномёты и ящики со снарядами. По полю, принадлежащему одному из приятелей Финлея – тут Норс не смог скрыть злорадства, – расхаживали землемеры. Насколько он понял из обрывков разговоров, там собирались обустроить аэродром.

Мог ли противник, который боялся даже солнечного света, что-либо противопоставить мощи современного оружия Айлестера? Впрочем, когда разговоры заходили о ДПФ, и офицеры, и солдаты – все сплошь бывалые вояки – стремительно теряли уверенность в себе. Краем

уха Норс уловил слова, из которых следовало, что площадь зоны свечения значительно увеличилась, возможно, в дюжину раз. К тому же она стала совершенно непроницаемой для приборов оптического наблюдения.

Бывший редактор «Городских новостей» с тревогой посмотрел туда, где располагался ДПФ. Даже скрытая от глаз гребнем холма, зловещая аномалия словно давила на всех, кто находился поблизости, однако сказать что-то более определённое о её теперешнем состоянии и уровне исходящей угрозы было трудно. Тогда Норс решил обратить своё внимание к палатке, в которой расположился штаб операции. Военные ориентируются в своей активности на вышестоящее командование, а значит, интенсивность работы штаба должна отражать ход боевых действий.

В палатке проходило какое-то совещание; младшие офицеры и вестовые то и дело забежали внутрь и выбегали наружу. Наконец, матерчатый полог откинули; одёргивая на ходу кителя, вышли командиры батальонов. Упитанные майоры и подполковники средних лет, они явно торопились, лица их, скованные печатью суровой решимости, приобрели неотличимое друг от друга выражение, а окружающая эту сцену суeta нижних чинов достигла апогея и стала отдавать нервозностью.

Норс понял: назревает атака.

Глава

X

Лежавший на мягком травяном ковре, практически неразличимый на его фоне благодаря своей униформе защитного цвета майор Перт Пауилн в очередной раз осмотрел зону загадочного алого свечения. Поперечник ДПФ уже достиг гроссфута²⁸ на наиболее протяжённом участке – и, как поговаривали, продолжал расти.

Так ничего и не увидев, майор отложил бинокль в сторону.

Артиллерия продолжала вести огонь. Трёхдюймовые мины и снаряды полевых пушек того же калибра, похоже, ложились в цель более или менее точно. Пауилн пришёл к этому выводу, поскольку, за исключением редких перелётов, не слышал и не видел разрывов.

Пауилн откинул стальную, выкрашенную в зелёное, крышку армейских наручных часов и сверился с ними. Артиллерийский дивизион их 36-го полка, которому за четверть часа, выделенных на огневую подготовку атаки, предстояло уничтожить всё живое в зоне ДПФ, вот-вот должен был закончить свою мрачную работу. Пауилну и его солдатам, напряжённо и безрезультатно всматривавшимся туда, где господствовал багровый, искрящийся свет, предстояло завершить работу артиллеристов.

Майор осмотрел своих солдат: его 2-й батальон атакует ДПФ в трёх, следующих друг за другом с трёхминутными интервалами, «волнах». Каждую «волну» формирует пехотная рота, развёрнутая в стрелковую цепь. Для усиления огневой мощи подразделений ротам придано по шесть ручных пулемётов ап Манчина; их распределили по два на взвод и разместили на флангах – наиболее уязвимых местах построения. Кроме того, имелись ротные станковые пулемёты, способные, как показал осмотр ночного поля боя, остановить и уничтожить клювастых демонов.

Каждый солдат получил по две ручных гранаты, пользоваться которыми без приказа сержантов строжайшим образом воспрещалось. У Пауилна заныли зубы при одной только мысли, что произойдёт, если солдаты, не обученные толком обращаться с гранатами, попытаются воспользоваться ими в непосредственной близости от противника и сослуживцев. К сожалению, предвиделись неизбежные в таких обстоятельствах потери от «дружественного огня», но их легко списать на противника.

²⁸ 527 м.

Он снял фуражку с королевским гербом – короной, под которой располагался жёлудь, опоясанный надписью: «Из малого да родится великое и могучее!», – и надел стальную каску-полусферу.

Застёгивая подбородочный ремень, Пауилн, отлично знавший историю возвышения правящей династии ап Телфордов, задумался над необычайной судьбой, выпавшей на долю этого некогда малозначительного провинциального рода. Изначально герб представлял собой изображение белки, схватившей жёлудь, а девиз звучал следующим образом: «По праву сильного!». Несомненно, первых ап Телфордов отличал как живой ум, так и развитое чувство юмора, позволявшее им иронизировать над собственным, отнюдь не выдающимся даже по меркам графства, положением. С тех пор, однако, многое изменилось, как и сам герб, переживший несколько трансформаций. Белка в конце концов бесследно исчезла, а первоначальный девиз, с некоторыми изменениями, украсил вход в Управление тайного сыска и надзора: «По праву сильного, в защиту слабых, в общее благо!». Двуручный меч палача, присутствовавший наравне с этой надписью, служил недвусмысленным напоминанием о каре, угрожающей каждому, кто посмеет сейчас насмеяться над освящённой церковью властью ап Телфордов.

Мысли майора об изменчивом характере судьбы и геральдики прервали резкие свистки сержантов. Построив своих подчинённых, они спешно проверяли их внешний вид. Солдаты подтягивали патронные подсумки с обоймами, спешно запихивали гранаты в сухарные сумки (ничего умнее командир полка и его начальник штаба просто не придумали, запихивать гранаты за пояс в любом случае запрещал устав).

Снова слышались трели свистков и выкрики младших командиров, приказывающих одеть противогазы – никто не знал, с чем именно им предстоит столкнуться в зоне ДПФ, и не заражён ли там воздух. Наконец, одев поверх противогазов шлемы, пехотинцы, теперь уже подчиняясь командам, отдаваемым при помощи заученных жестов, разомкнулись в цепи. Первая из них, подгоняемая ротным командиром, почти тотчас же двинулась вперёд ускоренным шагом, в то время как вторая и третья залегли в ожидании своей очереди.

В каждой роте имелся кинооператор, наспех обученный обращаться с камерой; солдаты, которым доверили эту ответственную и новую для них роль, заметно нервничали, словно им предстояло первое свидание.

Пауилн смотрел, как солнце играет на клинках примкнутых к дулам винтовок штыков, и жалел лишь о том, что противогазы не позволяют запеть «Славных Азруекских ребят». Солдаты сражаются вдвойне отважнее, если их боевой дух витает на высоте, а достичь её можно лишь со словами доброй песни.

«Да, в песнях всё легко и просто, однако гибель, ранения, увечья – всё это на самом деле тяжело, ужасно больно, и не имеет ничего общего с романтическими историями о войне, которыми потчуют гражданских», – подумал Пауилн. Удивившись тому, что его посетила настолько кощунственная мысль, он прикусил язык, чтобы ненароком не вырвалось хотя бы единственное слово, которое могло бы впоследствии создать ему репутацию «неблагодёжного». Фраза о том, что «можно исчезнуть, как та белочка с герба», уже долгое время была в ходу в офицерских кругах – её употребляли по отношению к тем, кто говорил неуместные, по мнению политнадзора, вещи.

Наконец, едва первая рота скрылась в алой дымке, Пауилн подозвал к себе связиста в звании мастер-сержанта.

– Ну, что там? Докладывай! – Катушка с кабелем, которую нёс на спине один из солдат войск связи в каждой роте, была присоединена к телефонному аппарату. К сожалению, приказ действовать в противогазах всё усложнял: Пауилну приходилось полагаться на знание связистами армейского сигнального кода из точек и тире. Сейчас мастер-сержант, худощавый парень

в возрасте дуодуазунлетия²⁹, смотревшийся нелепо в сползшей набок каске, сидел с карандашом и листком бумаги у телефонно-телеграфного аппарата. С предельным вниманием следя за вспышками сигнальной лампочки – длинными и короткими, – он записывал получаемые из зоны ДПФ сообщения.

– Читай сразу же, как запишешь! – потребовал Пауилн и жестом отдал приказ второй роте: вперёд. Едва солдаты отправились на встречу с неизвестным, он стал прислушиваться к голосу связиста.

– «Большая территория... гораздо больше, чем выглядит снаружи... иной рельеф и климат... странный воздух... пригоден для дыхания... Прошу разрешения снять противогазы...».

– Запрещаю! – отрубил Пауилн. Новость о том, что пространство внутри гораздо больше площади, занимаемой ДПФ на заброшенной ферме, совершенно выбила его из колеи, и сейчас он лихорадочно соображал, что предпринять.

– Подключи немедленно штаб полка. Пусть будут в курсе! Сообщения из зоны ДПФ записывай, они могут пригодиться! – Целиком сосредоточенный на работе, мастер-сержант буркнул: «Есть!», – и начал медленно вращать ручку, обеспечивающую прокрутку катушки с намагниченной проволокой, на которую записывался разговор.

Пауилн с минуту, словно заворожённый, следил за его движениями и описаниями ничего не значащих деталей потустороннего мира – «совершенно неземной ландшафт... вокруг нас воздух местами расцвечен сиреневым и фиолетовым... наблюдаем явления, похожие на маленькие вихри... противника в поле зрения не обнаружено...».

– Пусть закрепляются! – выдохнул Пауилн. Решение это, к которому его принуждала сама обстановка, стало неизбежным. Весь план операции оказался совершенно бесполезным и неэффективным. Приходилось спешно скорректировать его в связи с совершенно непредвиденными обстоятельствами, реалиями, которые оказались весьма далеки от их, наивных во всех отношениях, планов.

– Вторая рота вступила в визуальный контакт с первой!

– Отлично! – почти выкрикнул Пауилн. – Пусть занимают смежный участок! Наша линия должна принять форму полумесяца!

Бросив взгляд на наручные часы, майор приказал третьей роте идти вперёд. Вслед за ними предстояло выдвигаться и ему, а также подразделениям связи, входящими в штабной взвод, и трём станковым пулемётам из батальонного взвода тяжёлого оружия – их Пауилн решил оставить при себе в качестве резерва.

Сняв каску, он уже потянулся было за противогазом, однако что-то в поведении склонившегося над телефоном штаб-сержанта остановило его. Поза связиста, выражение внезапно побледневшего лица, дрожь руки, выводящей буквы – всё свидетельствовало о том, что по ту сторону непроницаемого для людского взора алого барьера творилось нечто непредсказуемое. Непредсказуемое и ужасное.

– Что случилось? – Вместо ответа связист протянул майору лист бумаги, вырванный из простого клеёночного блокнота, на котором, под более ранними надписями, карандашом было выведено: «Рядовой Одсли погиб, пытаясь дотронуться до одного из вихрей. Он бесследно исчез».

Пауилн, проклиная всё на свете, а особенно – глупость покойного Одсли, сунувшего голову в пасть льву, расстегнул противогазную сумку. Резиновую маску он натягивал уже на ходу. Следуя примеру командира, батальонные подразделения поддержки двинулись за ним по пятам; в противогазах они напоминали причудливых, фантастических существ с серыми лицами и такого же цвета прорезиненными хоботами, достигающими пояса. Незабываемое впечатление производил мастер-сержант-связист, пытавшийся одновременно делать сразу три

²⁹ 25 лет.

дела: шагать ускоренным шагом, одевать противогаз и записывать получаемые сообщения. Тем не менее, ему посчастливилось преуспеть в исполнении этой нелёгкой задачи, и он лишь на несколько шагов отстал от Пауилна.

Майор почти бежал. Стёкла противогаза моментально запотели, и, как он ни тёр их, ничего не помогало – проклятая испарина выступила на внутренней стороне, а не на внешней. Резиновая маска сжала лицо, словно гигантская присоска; у Пауилна возникло ощущение, будто его заживо положили в гроб – настолько скованны были мышцы лица и ограничен доступ кислорода и зрительных ощущений.

Он пробирался вперёд едва ли не наощупь и почти на каждом шагу спотыкался; его чертыханья, искажённые противогазом, стали нечленораздельными, хотя подчинённые, и сами испытывавшие подобные затруднения, конечно, догадывались о содержании этих фраз. Один из них, сержант-пулемётчик, подскочил к Пауилну и, приподняв маску, попросил разрешить снять противогазы.

Пауилн в этот момент страстно желал только одного: снять проклятую маску, которая буквально душила его – и не мог этого сделать. Причём дисциплина, впитавшаяся за десятилетия службы в плоть и кровь майора, была лишь отчасти тому причиной: он испытывал страх, самый настоящий первобытный страх перед неведомыми духами, которые могут околдовать его и похитить бессмертную душу. Страх этот, в котором он отказывался признать даже самому себе, стал источником постепенно закипающего гнева, способного заглушить любые эмоции.

Ярость стала тем, что позволило Пауилну преодолеть боль. Выхватив револьвер, он потряс им перед лицом пулемётчика, красноречиво давая понять, что думает о его просьбе. В таких случаях полагалось пользоваться специально разработанным для армии языком жестов, однако Пауилн, которого, как на грех, подвела память, избрал более простой путь прямой угрозы. С искренним злорадством он наблюдал, как страх появляется в глазах сержанта; только что Пауилн сам не знал, как спастись от дрожи в коленях, сейчас же сам испытывал физическое удовлетворение оттого, что смог напугать кого-то даже больше, чем роковой ДПФ.

В следующее мгновение всё переменялось. Что-то, будто заговорившее с ним в самых глубинах сознания, разбудило дремавшие участки коры головного мозга, ответственные за способности психики, обычно именуемые шестым чувством, и вызвало мощный импульс, принудивший Пауилна вздрогнуть всем телом. Что-то смертельно опасное и вместе с тем бесконечно нечестивое, что-то чуждое самой природе человека скрывалось за стеной багрового тумана.

Пауилн замер, как случалось в юности, когда ему, ученику выпускного класса гимназии, предстояло прыгнуть с дуодуазфтовой³⁰ вышки. Это событие стало настоящим испытанием для его мужества. Подобно другим подросткам, Пауилн долго колебался перед лицом того, что выглядело как неизбежная смерть – с такой высоты поверхность воды внизу казалась ничем не ближе Северного полюса; казалось, она ни за что не сможет смягчить жестокий удар в момент входа в воду. Совершенно очевидным казался факт, что невозможно попасть в то, что выглядело слишком маленькой лужицей, со всех сторон окружённой бетоном. Однако стоило, собрав свою волю в кулак, шагнуть вперёд – и он испытал ни с чем не сравнимое наслаждение, вызванное полётом.

Душевный трепет, сменившийся жёстким ударом и освежающей прохладой, остался в его памяти на всю жизнь, равно как и ощущение того, что он превращается в мужчину.

Пауилн вновь посмотрел на мглу цвета крови: несомненно, и здесь всё обстояло так же. Перейдя эту границу, он может переродиться, изменения, затронув мощные пласты подсознания, возможно, позволят ему стать кем-то иным, более высоким духовно, нежели он есть сейчас.

³⁰ 24 фута, или около 7 с небольшим метров.

Вдохнув настолько глубоко, насколько позволял противогаз, Пауилн шагнул вперёд. Какие бы картины не рисовало перед этим его воспалённое воображение, глазам майора, смотревшим на окружающий мир сквозь запотевшие стёкла противогаза, предстало зрелище, не имеющее ничего общего с видами природы, которые можно найти на Земле. Даже в самых отдалённых уголках планеты, где природа, говорят, на редкость экзотична, едва ли можно обнаружить хоть что-то, способное сравниться с увиденным им в зоне ДПФ.

Первым в глаза бросалось небо: пунцовое, словно в лучах заходящего солнца, оно походило на колоссальных размеров сверкающую пластину, выкованную из бронзы. Майор Пауилн, видевший однажды щит греческого гоплита, выставленный в одном из музеев Логдиниума, отметил очевидное сходство. «Должно быть, – подумалось ему, – мы вступили в земли, принадлежащие Геркулесу или даже его отцу, Зевсу³¹.

Солнце как таковое отсутствовало на небосводе, несмотря на то, что освещение отличалось яркостью, а краски – насыщенностью. Присмотревшись, Пауилн пришёл к выводу, что свет исходит от звёзд, обильно рассыпанных по небосводу чьей-то щедрой рукой. В то, что звёзды могут от природы висеть так низко над головой и так сильно походить на лампочки, стилизованные под бриллиантовые светильники, как-то не верилось. Ум, воспитанный в традициях рационализма и существующий в рамках, очерченных причудливым сожительством естественных наук и постулатов церкви Эзуса, отказывался верить увиденному.

Небо словно давило сверху, заставляя вспомнить о выражении «небесная твердь», как о чём-то реальном. Ярко-белый, словно электрический, свет, излучаемый висящими, казалось, на высоте нескольких массфут³² «звёздами», воспринимался как нечто надуманное, созданное нарочно для освещения, как что-то, неспособное возникнуть в результате взаимодействия привычных сил природы. Оставалось только прийти к выводу, что имеет место вмешательство высших сил – или же речь идёт о кознях дьявола, что в данном конкретном случае не имело особой разницы.

Пауилн мрачно посмотрел под ноги. Земля была ярко-жёлтого, практически лимонного цвета, с частыми вкраплениями поблёскивающего металлическими прожилками щебня. Майор подумал, что эти камни чертовски похожи на золотоносную руду и, наклонившись, поковырялся в грунте. Тот не содержал ни малейших следов влаги или растительности – лишь мелкие, похожий на фасоль или чечевицу, камешки, почти наверняка содержащие золото.

Майор осмотрелся, и, подозревая адъютанта, приказал ему взять пробы грунта в специально захваченную для этой цели жестяную банку.

Преследуемый навязчивой мыслью, что по возвращении домой станет богачом, Пауилн подтвердил отданный ранее приказ окопаться и занять оборону. Никогда ранее его подчинённые не рыли окопы с таким воодушевлением, как в тот день. Их сапёрные лопаты, вгрызаясь в податливый грунт, то и дело поднимали вверх маленькие золотые самородки, тут же исчезающие в карманах солдатских брюк и в ранцах, брошенных так, чтобы до них было удобно дотянуться.

Несмотря на то, что воздух, по всей видимости, не был отравлен, все работали в противогазах, хотя стремление перекопать как можно большее количество золотоносной породы, конечно, приводило к накоплению усталости. То тут, то там Пауилн с ужасом замечал, как солдаты тайком приподымают маску противогаза, чтобы вдохнуть свежего воздуха. Отчаявшись добиться повиновения в этом вопросе, Пауилн был вынужден махнуть на всё рукой и делать вид, что ничего не замечает.

³¹ Исследователи культа Эзуса сходятся в том, что некогда Зевс, или Зеус, был практически идентичен кельтскому боже-ству, однако со временем, учитывая прогрессирующее расхождение греческой и изначальной индокельтской культур, приобрёл иные качества и религиозные функции. Здесь нельзя также не упомянуть о существовавшем в период Нового Времени религиозном течении, полагавшем обоих богов близнецами, избравшими различные жизненные пути.

³² Массфут – около 44 м.

Ещё одна вещь, поразившая его – полное отсутствие следов артиллерийского огня, которому, по всем расчётам, следовало оставить значительное количество воронок. Даже если бы снаряды не разорвались, они валялись бы повсюду. Однако ни малейшего следа чего-либо подобного обнаружить не удалось.

Оружие, тем не менее, работало – это подтвердили пробные стрельбы. По приказу Пауилна один из солдат, вооружённых ручными пулемётами, выпустил несколько коротких очередей прямо в небо. Вопреки всеобщим ожиданиям, не случилось ни рикошетов, ни каких-либо иных признаков попадания во что-либо твёрдое. Однако это отнюдь не касалось «звёзд»: одна из них, срезанная метким огнём, буквально откололась от небосвода и упала неподалёку.

Поражённый увиденным, Пауилн приблизился к обломку и тщательно осмотрел его. Его мутноватая, похожая на кварц, поверхность, уже перестала светиться; чуть горячая, она медленно остывала. Ударив по «звезде» рукояткой револьвера, Пауилн поразился: невероятная прочность кристалла подтверждала, что это действительно алмаз.

Засунув его в нагрудный карман, майор покачал головой. В происходящее просто не верилось.

Впрочем, подобные вещи отнюдь не являлись редкостью в этой, исполненной чудес, земле: в укромных ложбинках, укрытых от звёздного света, произрастали необычного вида растения, не имевшие корней. Более всего похожие на карликовые деревья, но с металлическим, явно содержащим серебро или похожий на него металл, стволом и ветками, они несли поразительного вида плоды – небольшие сапфиры. Солдаты отбивали их прикладами и лезвиями клинковых штыков и украдкой набивали карманы, которые вскоре приобрели подозрительно разбухший вид.

Пауилн, сердце и душу которого в самом буквальном смысле слова согревал крупный алмаз, делал вид, что ничего не замечает. К счастью, противогазные маски препятствовали слишком оживлённым разговорам, иначе, как подозревал Пауилн, уже давно произошёл бы бунт, и солдаты открыто предались бы добыче золота и драгоценных камней, охотно забыв и о службе, и о воинском долге, и о находящемся неподалёку противнике.

То, что сдерживало подобные побуждения, стало второй проблемой, заботившей Пауилна. Гибель рядового Одсли, чьи останки служили печальным напоминанием о затаившейся неподалёку грозной опасности, имела причиной подозрительного вида вихрь лазурного, с красными проблесками, цвета.

Он всё ещё висел в воздухе в нескольких дуэзфутах от передовой позиции на правом фланге батальона. Полдюжины таких же вихрей, внешне напоминающих маленькие торнадо, находилось в пределах видимости на высоте от половины до нескольких дуэзфутах. Они не предпринимали никаких агрессивных действий в отношении вторгшихся в их мир захватчиков и внешне выглядели вполне миролюбиво, однако Одсли, проявивший неоправданное легкомыслие и приблизившийся к одному из вихрей вплотную, уже жестоко поплатился за своё неумеренное любопытство. От него осталось лишь две ноги, аккуратно, как гигантской циркулярной пилой, отрезанных в коленном сгибе и выше.

Кто-то предложил собрать останки и отправить их родственникам покойного для захоронения, но шиканье и приглушенные ругательства, раздавшиеся в ответ, свидетельствовали о том, что мысль кажется сослуживцам Одсли не только кощунственной, но и глупой. В конце концов, участь несчастного могла постигнуть любого.

Пауилн, довольствуясь тем, что Одсли выполнял не *его* приказ, проигнорировал данный вопрос и приказал лишь рыть окопы побыстрее. Телеграфная связь со штабом функционировала вполне нормально, и командир бригады, спешно развёрнутой на базе их полка, подполковник Магхун, слал Пауилну различные одобрительные сообщения.

На вопрос Пауилна, следует ли ему ожидать второй и третий батальоны, а также подразделения усиления и обеспечения, как то предполагалось первоначальным планом операции,

он лишь получил ответ, что изменившаяся обстановка требует пересмотра замыслов, а это, в свою очередь, потребует некоторого времени. Магхун даже проявил неожиданную для него словоохотливость, многозначительно дав понять, что ожидает ответа из столицы, где за развитием событий следят «самые высокопоставленные лица».

Пауилн почувствовал, как гордость принуждает его плечи выпрямиться, а грудь – изогнуться колесом. Действительно, как это он не догадался раньше? Ведь на данный момент эта операция является единственной, осуществляемой командованием сухопутных войск, и уж в любом случае – самой необычной в истории этой громоздкой бюрократической структуры. Несомненно, её задумали на Дубх Клиат, 19, и сейчас генералы, чьи кителя трещат по швам от веса боевых наград, накопившихся за долгие дузлетия безукоризненной гарнизонной службы, пристально наблюдают за всем, что происходит на острие прорыва 36-й пехотной бригады.

Надувая щёки под «кондомной», как её окрестили пацифисты из Международного движения за отмену войн и запрет химического оружия, маской противогаса, Пауилн обошёл линию окопов. Работа явно спорилась, и, сделав вид, что золотые самородки, то и дело оседающие в карманах солдат, его совершенно не волнуют, майор вернулся к уже оборудованному батальонному командному пункту – простой яме глубиной около секстафута, имевшей вдвое больший диаметр. Поверх неё натянули маскировочную сеть, установили телефонно-телеграфный аппарат, стереотрубу – вот и весь штаб.

Сквозь противогаз обзор был неважным, однако Пауилн, более для соблюдения приличий, а отчасти – из любопытства, постоял с минуту у окуляра, разглядывая видневшийся вдали горный хребет. Тот выглядел так, словно целиком состоит из изумрудов. Пауилн решил назвать эти горы Смарагдовыми, и даже подумывал о том, чтобы дать одной из вершин собственное имя – для этого следовало лишь позвонить одному из знакомых жены, служившему в Королевском Географическом Обществе, – когда на дальнем плане возникло нечто ослепительно яркое, напоминающее солнечные блики.

Зрелище, возникшее там, где нет солнца и, как следствие, не может быть солнечных бликов, возбудило его интерес, однако, как ни увеличивал Пауилн кратность и резкость, разглядеть что-либо определённое ему не удалось.

Препоручив наблюдение за отрогом Смарагдовых гор адъютанту, майор вновь связался со штабом. Приказ носить противогазы казался ему глупым, несмотря на угрожающие обстоятельства, и разрешение избавиться от них казалось ему необходимым для сохранения контроля над батальоном. В противном случае, как он предполагал, через два-три часа, если не раньше, солдаты начнут снимать маски самовольно. К чему это приведёт, он даже не хотел думать.

Пробы земли и воздуха, отправленные за «розовый занавес», как окрестили солдаты портал между мирами, всё ещё изучались, и подполковник Магхун обещал дать ответ в самое ближайшее время. Будь он отрицательным, то, если память не изменяла Пауилну, устав предписывал отвести их назад в самые кратчайшие сроки, сменив 3-м батальоном или же тем, что осталось от 1-го. Майору это казалось наилучшим решением вопроса, и он приказал отправить выдержанное в педантичном сообщении, во всём следующее букве устава: местность подозрительна, изобилует опасными атмосферными явлениями, в её пределах действуют недоступные пониманию законы физики.

Разрешение снять маски пришло тут же, и разъярённый Пауилн, сорвав противогаз, едва не втоптал его в хрустящую под ногами золотиносную гальку. По цепи тут же передали этот, столь ожидаемый всеми, приказ, и вскоре Пауилн имел возможность наслаждаться плоскими шутками и тупоумными рассуждениями солдат о том, в какую именно сказку их занесло.

Пауилн вновь прильнул к окуляру стереотрубы, надеясь получше рассмотреть странные блики. Казалось, те стали ближе, и, посвятив наблюдению около минуты, майор пришёл к выводу, что они приближаются. Соответствующие указания были отправлены по телефону на ротные командные пункты.

Ещё через полдюжины минут стало ясно, что приближающиеся блики являются не чем иным, как отвратительными клювастыми тварями, описанными уцелевшими солдатами роты Глайниса из 1-го батальона. Однако существовало и отличие: здешние демоны казались словно сотканными из языков пламени.

И эти живые сгустки огня стремительно сближались с позициями 2-го батальона. На расстоянии грассфута³³ Пауилн приказал открыть прицельный огонь. О произведённом эффекте судить не приходилось, поскольку очертания пламенных клювоносов практически тотчас же скрыла поднявшаяся волна дрожащего раскалённого воздуха, искажавшая всё, что находилось за ней.

– Это оптическое явление, созданное искусственно, вроде дымовой завесы, – высказал своё предположение адъютант Пауилна по фамилии Гропиус. Он имел репутацию довольно начитанного и смыслёного парня; успешно окончив училище, Гропиус, в силу нехватки денежных средств, не обладал офицерским патентом. Он носил «временное» звание второго лейтенанта, стоившее ему львиной доли ежемесячного жалования, однако же, вполне удовлетворявшее его, воспитанное на рыцарских романах, самолюбие.

– Да, конечно, – буркнул Пауилн. – Я сразу это заметил.

Такая ложь, всегда демонстрировавшая превосходство Пауилна над подчинёнными, неизменно поднимала ему настроение. Впрочем, купаясь в волнах самодовольства, он не сразу заметил странные точки, возникшие будто из ниоткуда – на расстоянии всего какого-нибудь терцмассфута³⁴ от них.

– Огонь! – скомандовал Пауилн, почти крича в телефонную трубку. – Огонь!

Подскочив к стереотрубе, он попытался разглядеть получше бешено мчащихся по направлению к их окопам существ. Грязно-белого, сдобренного мерзкого вида бурыми пятнами, окраса, те двигались гигантскими скачками, подобно живущим на континенте Оз сумчатым. Почему-то их внешний вид напомнил Пауилну о велоцирапторах, давно вымерших динозаврах – те считались одним из опаснейших хищников своей эпохи.

Тела атакующих покрывали роговые пластины, от которых рикошетировали винтовочные пули; наклонившись вперёд и поддерживая равновесие при помощи тяжёлого хвоста, твари осуществляли короткие, молниеносные перебежки, опёршись же на хвост, они могли исполнять длинные прыжки при помощи могучих задних лап. Между собой эти во всех отношениях поразительные существа общались с помощью тонкого писка, в силу своей громкости, неприятно резавшего слух. Мощные клыки, торчащие из пасти, наводили на мысль о том, что их обладатели являются хищниками.

Впрочем, майор Пауилн отнюдь не собирался становиться дичью: приказав открыть шквальный пулемётный огонь, он скомандовал миномётной батарее, занявшей позицию неподалёку, угостить врага осколочно-фугасными минами. Казалось, среди белёсо-коричневых тварей промчался ифрикийский самум: сотни пуль и разрывы мин подняли целую тучу песка, в которой потерялись первые погибшие чудовища. Пауилн успел заметить, что из их ран течёт красная кровь, прежде чем те немногие из них, что уцелели, ворвались в окопы.

Послышались отчаянные крики, разрывы ручных гранат и выстрелы. Яростные вопли солдат сообщили майору о том, что его солдаты задействовали штыки, причём не без успеха. Пауилн выхватил револьвер, готовый к наихудшему, однако его вмешательство не потребовалось: все прорвавшиеся монстры к этому времени уже были уничтожены.

Победа в длившемся всего несколько минут ожесточённом бою досталась дорогой ценой: более двух дюжин солдат погибло и вдвое большее количество получило ранения.

³³ Около 518 м.

³⁴ Около 130 м.

Получив из штаба полка приказ удерживать позиции любой ценой, Пауилн отправил в тыл раненых – в меру тяжести полученных ими повреждений. Безнадёжных он приказал выносить в последнюю очередь: многим из них предстояло умереть здесь, на этой чужой земле, не знающей ни луны, ни солнца, а лишь звёздный свет, излучаемый колдовскими кристаллами.

Словно отвечая на зародившееся в душе Пауилна подозрение, в траншее раздался крики боли: один за другим солдаты начинали прыгать на месте или же кататься по земле, отчаянно пытаясь вывернуть брючные карманы. В тех случаях, когда это удавалось, становились видны отвратительные, копошащиеся в окровавленной плоти, лимонного цвета черви, в которые превратились столь радовавшие глаз золотые самородки.

Рядом со Пауилном раздался леденящий душу крик: вздрогнув от неожиданности, он обернулся – и замер, потрясённый увиденным. Зрелище, представшее его взору, было способно лишить более трепетную натуру сознания: огромный тёмно-синий слизень, выбравшийся из кармана временного второго лейтенанта Гропиуса, присосался к его животу. Прокусив плотную ткань униформы и впившись в незащищенную плоть, он с ужасающей скоростью высасывал из своей, парализованной страхом и болью жертвы, кровь. В считанные мгновения слизень увеличился в размерах в несколько раз, достигнув размеров кисти взрослого человека. Сквозь полупрозрачную кожу его просвечивала рубинового цвета жидкость, выкачиваемая из тела Гропиуса.

К тому времени, когда Пауилн дрожащей рукой поднял револьвер и приставил дуло к кровопийце, длина того составляла почти фут. Крича в унисон с беднягой Гропиусом, майор спустил курок. Маленький монстр лопнул, словно надувной шарик, какие обычно покупают детям, и выплеснувшаяся из его разорванного тела кровь забрызгала Пауилна с головы до пят.

К сожалению, это не спасло Гропиуса: раскрывшаяся рана, из которой продолжала течь кровь, оказалась смертельной. Опустив восково-бледного адъютанта на землю, Пауилн сбивающимся голосом прочёл несколько слов заупокойной молитвы. Когда он закончил, Гропиус уже скончался, его остекленевшие глаза смотрели куда-то в сторону, поверх левого плеча Пауилна.

Майор встал, одёрнул китель. С револьвером в руке он вышел в траншею, готовый встретиться с любой опасностью. Какие бы коварные ловушки ни уготовил им этот мир, его богатства будут принадлежать Айлестеру! Доказательством тому служил огромный, с куриное яйцо, алмаз, находящийся сейчас в его нагрудном кармане.

Будто чувствуя, что о нём в этот момент думают, алмаз шевельнулся, совсем как живой. Пауилн ласково потрепал по нему правой рукой и продолжил свой путь по траншее, усеянной мёртвыми и умирающими солдатами. Дважды он останавливался, чтобы оказать тем, кому уже не помог бы никакой врач, ту единственную, последнюю помощь, которой они требовали.

Судя по крикам, слышавшимся на флангах, ещё не всё было потеряно. Вполне вероятно, ему даже удастся собрать остатки батальона и благополучно отступить, чтобы потом вернуться сюда с хорошо вооружённой и оснащённой по последнему слову техники командой элитных войск в герметичных скафандрах. Он выжжет здесь всё дотла огнёмётами, даже если бы эту страну понадобилось целиком залить напалмом и керосином.

Алмаз, средства от продажи которого можно будет пустить на приобретение всего необходимого, приятно грел его сердце. Наконец, когда грудь пронзил укол нестерпимой боли, Пауилн заподозрил неладное.

Сунув руку в нагрудный карман, который к тому времени начал пропитываться чем-то влажным, он уже знал, что там обнаружит. Несмотря на все его попытки оторвать тварь, напоминавшую гигантскую, всё увеличивающуюся в размерах мокрицу, каждый раз Пауилн останавливался – слишком сильной была боль, которую причиняли ему намертво впившиеся в рану маленькие острые зубы. Помня об участии Гропиуса, майор не решился выстрелить в поспешно приобретающую алый цвет мокрицу, а бросился на командный пункт, движимый един-

ственной целью: сообщить обо всём командованию и спасти тем самым как можно больше солдатских жизней.

Аппарат телефон-телеграфа стоял на месте, хотя связист, запропастившийся неведомо куда, отсутствовал. Крутанув ручку, Пауилн поднял телефонную трубку.

– Алло! Алло! Штаб полка? Это говорит майор Пауилн, 2-й батальон. Мы атакованы...

Путаясь в словах и то и дело заикаясь, он попытался объяснить, с насколько смертельным и сверхъестественным противником довелось столкнуться его батальону, однако, казалось, подполковник Магхун утратил здравый рассудок – он не понимал самых элементарных фраз.

Совершенно подавленный, Пауилн вдруг почувствовал, что ноги уже не слушаются его. В голове закружилось и, падая, он услышал хруст собственной грудины, прогрызаемой кровососущей мокрицей. Наконец, когда сердце его остановилось, и сказочный мир ускользнул из поля его зрения, краешком сознания, ещё не покинувшем его окончательно, Пауилн услышал, как из телефонной трубки доносится чужой, совершенно нечеловеческий голос, похожий на извращённое смешение скрежещущих и шелестящих звуков. С осознанием того, что магические способности обитателей этого мира позволили им подключиться к линии связи, майор Пауилн, проклиная всё, расстался с жизнью.

Телефонная трубка, из которой голос подполковника Магхуна безрезультатно взывал, угрожал и приказывал, беспомощно висела на проводе, в то время как выглянувшее из-за туч солнце освещало тела мёртвых солдат и офицеров 2-го батальона 36-й армейской бригады, неосмотрительно набивших карманы неразорвавшимися миномётными минами. Многие, как можно было судить по изувеченным взрывами телам, подорвали себя выданными им ручными гранатами, если те, конечно, не детонировали случайно.

На лицах большинства покойников застыло выражение крайнего ужаса, смешанного с безумием, и лишь немногие несли на себе печать странного, воистину небесного блаженства, что порой встречается, как говорят, у тех, кто отходит после долгих мучений. Майор Пауилн, скончавшийся в результате обширного инфаркта, сидел на самом дне окопа, уставившись невидящим взглядом в своего адъютанта, временного второго лейтенанта Гропиуса, которого застрелил собственной рукой – единственным выстрелом в живот.

Глава

XI

Утро последней субботы сентября в Логдиниуме выдалось солнечным – казалось, светило не желало оставлять без своего внимания попавший в беду Айлестер и стремилось любой ценой затянуть летний период. Большинство обывателей, уже знавших из газет о том, что демоны ДПФ боятся солнечного света, сочло это добрым предзнаменованием.

По-другому относился к данному вопросу генерал-фельдмаршал Блейнет, вышедший на службу в самом прескверном настроении: ему предстояло подписать ряд бумаг, имевших воистину судьбоносное значение.

Ворчливый седовласый старик, до сих пор сохранявший часть прославившей его в молодости безрассудной отваги и могучей физической силы, казалось, был недоволен всем. Солнечные лучи слепили его, даже если падали из-за спины, к тому же он вдруг высказал опасение – чем буквально поверг в шок своих многочисленных заместителей и помощников, – что иностранные шпионы могут наблюдать за его кабинетом при помощи биноклей и читать все разговоры по губам.

Наконец, окна задёрнули толстыми, не пропускающими и кванта солнечного света, шторами, и Блейнет, недовольно кряхтя, приступил к работе. В первую очередь предстояло разобратся с кризисом на фронте – иначе ДПФ уже не называли – и решить, каким образом лучше бороться с коварным противником. 36-ю бригаду, потерявшую сперва пехотную роту, а затем

и целый батальон, бесследно исчезнувший в красном сумраке, окончательно разгромили атаковавшие на закате демоны.

Новые, неизвестные науке, существа, покрытые роговой бронёй, обеспечивающей частичную защиту от винтовочных пуль, нанесли внезапный удар. Проявив неожиданную резистентность к воздействию солнечного света, смертельного для клювастых демонов, они прорвали позиции 36-й бригады и нанесли ей значительный урон. Командир бригады подполковник Магхун и большинство офицеров погибли.

Возник вопрос о развёртывании на границе ДПФ пехотной дивизии. Учитывая обстоятельства, глава оперативного отдела генерал-майор Галвин предложил: расформировать 36-ю пехотную бригаду, вывести 36-й пехотный полк из состава 12-й дивизии и отправить на переформирование, заменив 3-м отдельным танковым, дислоцирующимся в Бриниаве, а саму дивизию переименовать в танковую. Также Галвин запросил два артиллерийских полка из состава 11-го и 10-го дивизионных округов и ряд других подразделений. Блейнет пробежал глазами текст приказа по дивизии:

«Солдаты и офицеры 12-й дивизии! Своим беспримерным мужеством, самоотверженностью и железной стойкостью, проявленными в боях с противником, использующим древнюю магию и не щадящим собственных солдат в достижении своих богопротивных целей, вы стяжали бессмертную славу и заслужили восхищение нации и уважение командования. Впереди – новые, возможно, даже более тяжёлые бои, и я спешу сообщить вам о том, что верховное командование сухопутных войск и Его Величество дают вам лучшее оружие из того, чем обладает Айлестер, с тем, чтобы вы смогли одержать ещё более великие победы. В состав 12-й дивизии с сегодняшнего дня включён 3-й отдельный танковый полк, а сама она получает статус танковой и так и будет именоваться впредь во всех документах и сводках. Желаю вам всяческих успехов.

Генерал-фельдмаршал Блейнет».

Вполне удовлетворённый, Блейнет подписал приказ. Со старой структурой армии, приписанной к своим местам дислокации, было покончено – возникла боевая дивизия, развёрнутая на фронте. Понимая, что главный шаг сделан, генерал-фельдмаршал, всё ещё преодолевая определённое душевное сопротивление, поднял телефонную трубку и приказал Галвину подготовить план оборонительной операции силами 1-й танковой дивизии по юго-западной, южной и юго-восточной границам ДПФ.

Автор данной инициативы генерал-майор Галвин, мысленно даже составивший набросок приказа, всё же, как это обычно бывает, оказался захваченным врасплох распоряжением Блейнета.

Он вновь изучил лежащую на его столе карту местности. Шесть оставшихся в дивизии пехотных батальонов Галвин решил развернуть тонкой, не эшелонированной в глубину линией, впрочем, по штатному расписанию – из расчёта два grossфута³⁵ на батальон. Увеличившаяся площадь ДПФ, внушавшая самые неприятные опасения относительно перспектив такого роста, на мгновение смутила Галвина, однако он вскоре взял себя в руки и продолжил работу.

Батальонные участки обороны он решил также именовать плацдармами, давая тем самым понять всем офицерам, что получают доступ к данной информации: в глубине построения за ними будут выстраиваться новые полки и дивизии, которые, в конце концов, сломят сопротивление врага. Танковый полк следовало использовать в качестве дивизионного резерва – в случае, если противнику удастся совершить прорыв. Названия для плацдармов, не имея желания напрягать воображение, Галвин заимствовал из лежавшей на столе газеты.

На самой последней странице он обнаружил кроссворд. Некоторые слова Галвин уже разгадал, пока ожидал звонка от Блейнета, и сейчас с удовольствием переписал их в приказ: «Кнут», «Пони», «Башмак», «Фрукт», «Океан», «Мотор».

³⁵ Чуть более 1 км.

Едва новейшее изобретение – телекс, – установленное пока что лишь в некоторых государственных учреждениях, распечатало план оборонительной операции «Яблоня», генерал-фельдмаршал Блейнет, быстро прочтя текст и вникнув в замысел Галвина, тут же утвердил его. Всё, теперь уже решено окончательно и бесповоротно: война началась! Генерал-фельдмаршал будто почувствовал себя на дуодуазлетие³⁶ моложе: ушли мучившие его ревматические боли и прочие старческие недуги. Выпятив грудь и торжественно улыбаясь, он подошёл к окну, чтобы раздвинуть шторы.

– Но... вас могут увидеть, господин генерал-фельдмаршал, – проблеял тонким, козлиным голосом один из его помощников, однако гневный взгляд Блейнета, способный, казалось, испепелить подчинённого, принудил того умолкнуть на полуслове.

– Да? – удивился он. – Пусть смотрят, знают и боятся – я на службе.

Текст приказа о мобилизации массгросса³⁷ резервистов и военнообязанных Блейнет утвердил единым росчерком пера, словно вновь, как в далёкой молодости, держал в руке кавалерийскую саблю.

³⁶ 24 года.

³⁷ 144 по 1728, то есть 248832.

Мобилизацию объявили по радио и во всех газетах в тот же день, повторяя сообщение ещё три дня подряд. Кроме того, отпечатали и расклеили изрядное количество мобилизационных и вербовочных плакатов, из расчёта не менее полудюжины на каждого отмобилизованного. На них Его Королевское Величество Эньон IV в униформе генералиссимуса, грозно тыча указательным пальцем прохожим, решившимся взглянуть на плакат, в грудь, требовал: *«Фоморы идут убить тебя, сжечь твой дом, лишит чести твою возлюбленную, жену и мать! Они хотят съесть твоих детей! Ты до сих пор не на фронте? Смиришься ли ты с таким позором? Записывайся добровольцем!»*.

Король, которому было на четыре года больше куадродуазлетия³⁸, также произнёс речь, составленную для него тайными советниками. Его безукоризненно сшитая и подогнанная по породной фигуре сине-зелёно-серебряная униформа с золотыми эполетами смотрелась просто великолепно, вызвав многочисленные вздохи и даже обмороки среди придворных дам. Стоя перед микрофоном в тронном зале дворца, то и дело ослепляемый магниевыми вспышками фотоаппаратов, он без единой запинки произнёс свою, выученную наизусть, историческую речь:

«Долгие дуазлетия наша страна жила в мире со своими соседями [на самом деле последний пограничный конфликт с княжеством Эйре, не потребовавший, правда, мобилизации, закончился всего три с половиной года назад, не говоря уже о тянувшихся весьма долгое время боевых действиях на море], и мы, Король Айлестера Эньон IV, привыкли полагать, что эта благодать дарована нам свыше и продлится до скончания веков. Однако и в нашем мире, и в других, существуют силы, известные нам по Священному Писанию как фоморы, не привыкшие считаться с волей Эзуса. Сия скверна, идущая из замогильных глубин извечной Тьмы, выступила против нас – и отнюдь не по нашей воле! Наши соседи молчат, напуганные силой извечного врага всего человечества, и не спешат оказывать нам военную помощь [многозначительная пауза; лицо короля посещает укоризненное выражение]. Однако это не значит, что мы в ней нуждаемся, как не нуждались никогда ранее! Меч Айлестера, долгое время покоившийся в ножнах, сегодня явит себя всему миру в своей карающей мощи и обрушится на злокозненного врага! Сегодня нашими устами глаголет Господь Эзус, и мы, Король Айлестера Эньон IV, от имени всей нации повелеваем начать войну и изгнать фоморов из наших исконных земель!».

Речь, вызвавшая слёзы на глазах суровых генералов и лишившая сознания многочисленных представительниц слабого пола, прозвучала в этот миг в самых отдалённых уголках королевства. Во всех трактирах, тавернах и пабах, вплоть до самых захудалых, в это время включили радиоприёмники на полную громкость, позволив айлестерцам услышать голос своего короля. Простой люд, собиравшийся на площадях у громкоговорителей, снимал шляпы в немом почтении. Охватившее народ возбуждение и вызванный патриотизмом подъём сил кое-где вылились в погромы и нападения на иностранцев. Отшумев, участники стихийных демонстраций, всё так же толпами, направляемые ловкими подстрекателями из числа агентов Управления тайного сыска и надзора, двинулись к вербовочным пунктам, желая записаться добровольцами.

Война была объявлена официально.

³⁸ 52 года.

В первый день мобилизации призыву подлежали лица, уже имеющие воинские звания резерва. Речь шла не только о единственном айлестерском генералиссимусе, но и о многочисленном штате Управления тайного сыска и надзора. Как всегда в таких случаях, никто не мог найти в шкафу брюки или китель от униформы, а некоторые офицеры даже не знали, с какой стороны одевать португую. В оружейную комнату немедленно выстроилась очередь.

– Эй, куда засовывать патроны – кто-нибудь в курсе? Я только печатной машинкой пользоваться умею, но уж никак не этой штуковиной.

– Это полуавтоматический пистолет системы Вольтица, калибр треть дюйма, инструкция висит на стене.

– Да ты спроси лучше у ап Дросага, он на прошлой неделе возил какую-то потаскушку на пикник, стрелял с ней по пустым бутылкам.

– *Господа офицеры военной контрразведки!* – Голос ап Дросага пылал негодованием. – Я обучал ценного агента приёмам самозащиты!

– И приёмам борьбы в партере тоже? – Хохот военных контрразведчиков стал всеобщим.

– Особенно! – Ап Дросаг, с лицом, раскрасневшимся от почти искренней обиды, казалось, готов наброситься на обидчика с кулаками. – Я отдаю службе лучшее время своей жизни, душу и тело, в то время как должен бы приберечь их для законной супруги!..

– Да, чего не сделаешь ради повышения... И полковник его жену в это время тоже никакому рукопашному бою не обучает...

– Монтен! Я всё слышал, стервец!

– Ой, пиши на магнитофон, иначе рапорт рассматривать не станут. В любом случае, ты имеешь честь разговаривать с будущим фронтовиком и орденосцем – я отправляюсь на передовую!

– Фронтовиком и рогоносцем, вернее – так нужно сказать. Не бойся, Монтен, мы приглядим за твоим домом. Чем ты там собрался заниматься, расстреливать дезертиров?

– Военная тайна. Ты же знаешь: «Обеспечивать секретность проводимых войсками операций, осуществлять воспитание и подготовку личного состава...».

– Да, как-то забыл, спасибо, приятель. А что с этими демонами, нас какому-то мумбо-юмбо обучат, чтобы их отпугивать?

– Что за глупости! Цитирую: «В духе Священного Писания Пресвитерианской Церкви Эзуса...».

– Да, не самая удачная ставка. Кто-нибудь действительно в это верит?

— Осуждённый Глайнис, встать!

Бывший капитан Глайнис, в кителе без погон, без брючного ремня и шнуровок в ботинках, поднялся с простой армейской койки. От недоедания он осунулся, щетина постепенно начала превращаться в бородку. Глаза, горевшие на длинном, вытянутом лошадином лице полубезумным огнём, уставились на вошедших.

— Осуждённый Глайнис, готовы ли вы к исполнению приговора?

— Если я скажу «нет», вы меня не расстреляете?

Офицер в звании капитана, со знаками различия военной прокуратуры, переглянулся со своими товарищами. Те чуть заметно кивнули.

— Ваш ответ я расцениваю как отказ от услуг духовного лица. В связи с этим я уполномочен задать вам ещё один вопрос: готовы ли вы просить о предоставлении вам права замены казни через расстрел на перевод в войска первой линии в звании рядового без права повышения в чине в течение пяти лет?

— Я воспитан в семье военного. Я – офицер! Я...

— Вы не ответили на вопрос, осуждённый Глайнис! – Глаза капитана-прокурора сверкнули. – Не забывайте: вы лишены офицерского звания, и звание рядового на данный момент – ваш потолок. Из чувства жалости к вашим близким я повторю вопрос: вы подпишете прошение?

Плечи бывшего капитана безвольно опустились.

— Давайте ручку.

— Поздравляю вас, осуждённый Глайнис, с началом службы в армии Его Величества. Вполне возможно, из вас ещё сделают настоящего мужчину!

Вечеринка была в разгаре. Патефон играл развесёлые мелодии, вино и шампанское текли рекой. Многие подвыпившие художники и деятели искусства, собравшиеся отметить открытие выставки «Современный кубизм», не брезговали распивать водку, пиво и абсент, нередко вперемешку. Казалось, полуночная гулянка, устроенная прямо в выставочном зале, посреди предметов живописи и архитектуры, способных удовлетворить только самые «передовые», как любили выражаться, вкусы, затянется до утра. Тем не менее, этот вечер стал исключением из правил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.